

Еще раз к вопросу о личных местоимениях в дравидийских языках¹

Г. С. Старостин

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Несмотря на то, что наши данные по всему разнообразию систем личных местоимений в дравидийских языках (как древних, так и современных) на настоящий момент представляются довольно значительными, а исторической стороне соответствующего вопроса уделено внимание в целом ряде исследований (см., прежде всего, такие работы, как [Burrow 1946]; [Krishnamurti 1968] и др.), проблему происхождения дравидийской местоименной системы и ее развития в языках-потомках все же нельзя считать окончательно решенной. Можно утверждать, что по основным вопросам реконструкции этой системы в дравидологии существует определенный (хотя и несколько шаткий) консенсус, подытоженный в таких сравнительных описаниях, как [Zvelebil 1977], [Андронов 1994]. Однако многие мелкие детали оказываются до сих пор лишены адекватной интерпретации; в свою очередь, любые попытки предложить для них таковую, как правило, неизбежно вступают в противоречие с рядом постулатов, традиционно считающихся очевидными или наиболее вероятными.

Отдельным аспектом этой проблемы является также определение внешних связей дравидийских местоимений. Хотя на текущий момент наиболее перспективной из предложенных гипотез относительно генетической принадлежности дравидийских языков мы считаем теорию ностратического родства, легко заметить, что из всех ветвей ностратического именно дравидийский представляет наибольшие отличия в системе личных местоимений. «Классическая» система (*mV для 1-го л., **tV/sV* для 2-го л.), хорошо представленная в индоевропейских, алтайских, уральских и картвельских языках, в дравидийском не имеет практически никаких аналогов, за исклю-

---

¹ Данная статья написана в рамках проектов «Эволюция языка» (Evolution of human languages), координируемого Институтом Санта-Фе, и «Вавилонская башня», поддерживаемого Российским еврейским конгрессом.

чением, возможно, отдельных реликтов (таких, как глагольное окончание 2-го л. -s в брауи). В связи с этим, если мы все же считаем принадлежность дравидийской группы к ностратической макросемье надежно обоснованной (о чем, в частности, наглядно свидетельствуют данные лексикостатистики — см. хотя бы [S. Starostin 2003]), насущно встает вопрос этимологизации дравидийских местоимений на ностратической основе, т. к. иначе пришлось бы считать дравидийскую систему либо полностью инновационной, что маловероятно с типологической точки зрения, либо заимствованной из какого-то неизвестного субстрата, что пока не подтверждается никакими фактическими данными.

В свете вышеизложенных обстоятельств представляется необходимым еще раз тщательно проанализировать имеющийся в нашем распоряжении материал и на основании его, во-первых, оценить предложенные на настоящий момент прадравидийские реконструкции местоименной системы, во-вторых, возможно, внести в соответствующие реконструкции определенные поправки и изменения, которые, с одной стороны, учитывали бы максимальное количество вариантов, реально зафиксированных в дравидийских языках, а с другой, могли бы хоть как-то прояснить вопрос о внешних связях дравидийских местоимений.

Сразу оговоримся, что в данной работе речь будет идти исключительно о личных местоимениях 1-го и 2-го л. (включая различия между ед. и мн. ч., а также противопоставление по эксклюзивности-инклюзивности в 1-м л. мн. ч.). Личные местоимения 3-го л. во всех без исключения дравидийских языках этимологически связаны с указательными местоимениями (как правило, основами *a- "тот" и *i- "этот"), и проблемы, связанные с их реконструкцией, существенно отличны от тех проблем, с которыми приходится сталкиваться при реконструкции прочих личных местоимений. В связи с этим какие бы то ни было вопросы, связанные с этими основами (а также с основами возвратного местоимения *tā-n и вопросительного местоимения **yā-*), могут быть затронуты лишь в том случае, если они как-либо помогают прояснить те или иные сложности, возникающие при анализе местоимений 1-го и 2-го л.

В целях упорядочения и систематизации материала представляется также уместным использовать систему промежуточных реконструкций, т. е. не проводить анализ того или иного местоимения сразу на основании *всего* материала, а восстанавливать промежуточ-

ные формы для отдельных ветвей прадравидийского, после чего уже пытаться сводить полученные результаты к единому прототипу. Подобный подход позволяет, в частности, избежать неправомерных обобщений, сделанных на основании данных нескольких «дальнородственных» языков без учета близкородственных данных. Что касается собственно классификации дравидийских языков, то здесь за основу будет принята классическая система, изложенная, в частности, в [Андронов 1994: 11]², с одной оговоркой: юго-западная подгруппа для удобства описания объединяется с южной (хотя местоименная система основного языка юго-западной подгруппы — тулу — несомненно, обладает собственными особенностями). Все прочие группы (юго-восточная /телугу/, центральная /колами-гадаба/, гондванская, северо-восточная /северная/ и северо-западная /брауи/) будут рассмотрены отдельно.

1. Личное местоимение 1-го л. ед. ч.

1.1. Южно-дравидийские³.

Класс. там. *yāṇ* [eṇ-]; совр. лит. там. *nāṇ* [eṇ-]; разг. там. *nā* [eṇ-]; ир. *nā* [naṇ-]; мал. *ṅāṅ* [eṅ-]; кас. *nāṇi* [naṇ-]; курру *na(nu)* [nā-/naṇ-]; ката *āṇ* [eṇ-]; тода *ōṇ* [eṇ-]; код. *nā(nī)* [eṇ-, naṇ-/nā-]; класс. кан. *āṇ* [eṇ-]; совр. кан. *nāṇi* [naṇ-]; крб. *nā* [naṇ-]; тулу *yāṇṇ* [yaṇ-], тулу брахм. *ēṇṇ* [eṇ-].

На основании вышеприведенного материала для ПЮД, равно как и для ПД в целом, традиционно восстанавливается форма **yāṇ*, совпадающая с соотв. формой в классическом тамильском; косвенная основа реконструируется соответственно с кратким гласным (**yaṇ-*). Такая реконструкция, помимо класс. тамильского, хорошо объясняет формы, в которых зафиксирован нулевой консонантный анлаут, т. е. ката *āṇ*, тода *ōṇ* и т. п., поскольку известно, что начальный **y-* из всех дравидийских языков хорошо сохраняется только в классическом тамильском, в то время как в остальных он регулярно дает нулевой

---

² Эта классификация по целому ряду соображений представляется нам более убедительной, чем классификация, предложенная Бх. Кришнамурти в [Krishnamurti 1961] и поддерживаемая сегодня значительным числом специалистов-дравидологов; однако подробное обсуждение этого вопроса выходит далеко за рамки тематики данной работы.

³ В квадратных скобках здесь и ниже приводятся формы косвенной основы.

рефлекс: ср., напр., ПЮД *yāḍ- "коза" > кота *āṛ*, тода *ōḍ*, кан. *āḍi* [DEDR 5152] и т. п.

Помимо этих форм, однако, зафиксировано значительное число вариантов, в которых в анлаутной позиции — как в прямой, так и в косвенной основе — представлен дентальный носовой *n*-. Развитие *y- > *n*- никоим образом не является регулярным; маловероятной представляется и возможность ассимиляции, т. к. известен по крайней мере один надежный пример соседства *y- и *n-, где такой ассимиляции не наблюдается ни в одном языке (ПЮД *yānai "слон" > там. *yānai*, *ānai*, мал. *āna*, кота *ān*, тода *ān*, кан., код. *āne*, тулу *ānè* [DEDR 5161]).

Выход из этой ситуации обычно видится в постулировании здесь развития по аналогии: согласно гипотезе, сформулированной еще Т. Бэрроу [Burgow 1946] и поддерживаемой большинством исследователей, ПЮД (и ПД) *yān > *nān под воздействием формы инклюзива 1-го л. мн. ч. *nānt. Косвенным образом эта гипотеза подтверждается исторически зафиксированной хронологией тамильского и каннада, где формы *yān* и *ān* засвидетельствованы существенно ранее, нежели формы с начальным носовым. Согласно Бх. Кришнамурти [Krishnamurti 1968], форма типа *nān может представлять собой вполне естественную «достройку» троичной оппозиции *yān "я" — *yāt "мы (экскл.)" — *nāt "мы (инкл.)", причем очевидная невозможность семантического и грамматического размежевания между вариантами *yān и *nān в конечном итоге приводит к вытеснению старого варианта более новым.

Думается, однако, что есть некоторые обстоятельства, мешающие однозначному принятию этой гипотезы, по крайней мере в том варианте, в котором она обычно предлагается. Во-первых, вариант с начальным носовым явно представлен в чересчур большом количестве языков и диалектов, чтобы предполагать независимое развитие по аналогии в каждом из них. По всей видимости, вариант типа *nān был представлен уже как минимум на ПЮД уровне (с чем, в частности, согласен и Бх. Кришнамурти). В таком случае, однако, встает вопрос о характере различия между ПЮД *yān и *nān. Сосуществование обоих вариантов в пределах одного диалекта маловероятно, тем более что подобная ситуация не наблюдается ни в одном из известных нам диалектов, где всегда представлен лишь один вариант (чаще всего с *n*-). Если же считать это различие междиалектным (т. е. предположить, что инновация *yān > *nān затронула определенный

ареал распространения ПЮД), нам придется иметь дело с довольно странной изоглоссой, помещающей с одной стороны нильгирийские языки (кота, тогда) и классические тамильский и каннада, с другой — все остальные (включая *современные* тамильский и каннада!).

Особую проблему представляют рефлексы в малаялам и тулу. В малаялам в форме 1-го л. ед. ч. отчетливо виден не денальный, а палатальный *ñ-*; меж тем форма инклюзива для ПЮД определенно реконструируется как **ñāt* (см. ниже), и, следовательно, форма *ñāñ* никак не могла появиться по аналогии с инклюзивом. (В работе [Starostin 2000] мною была указана возможность развития ПД **n-* > мал. *ñ-*, однако подобное развитие достаточно строго ограничено контекстным окружением и имеет место преимущественно в структурах типа ПЮД **neCi-*, ср. *ñeri* "путь" < **neri, ñeri* "складка", *ñeḷiyuka* "вытягиваться", *ñerippu* "огонь"; очевидно, что данное правило никак не распространяется на личное местоимение 1-го л.). М. С. Андронов [Андронов 1994: 181] предполагает в малаялам гиперкоррекцию, вызванную массовым переходом **ñ-* > *n-*, однако в этом случае непонятно, почему подобная гиперкоррекция затронула именно местоимение 1-го л., а не какие-либо другие корни с начальным **n-* (учитывая, что в остальных случаях развитие **n-* > *ñ-* имеет чисто фонетическое объяснение).

Что касается тулу, то здесь, казалось бы, ситуация очевидно указывает на сохранение в этом языке старого варианта **yāñ-*. Однако дело осложняется тем, что *регулярным* рефлексом ПЮД **y-* в тулу является нуль: ср. *ēḍi* "коза" < **yāḍ-*, *āñē* "слон" < **yāñai, āñini* "править" < **yāñ-* и т. п. Начальный *y-* в тулу вообще встречается исключительно редко, а в словах, для которых в ПЮД восстанавливается **y-* — только в данном конкретном случае. Любопытно также отметить, что, если спроецировать противопоставление «классический/архаический тамильский/каннада — нелитературный/разговорный тамильский/каннада» на противопоставление «брахманский ('высокий') диалект тулу — стандартный ('низкий') диалект тулу», то окажется, что именно брахманский вариант (*ēñi*) будет идеально соответствовать «классическому» варианту *yāñ-/āñ-*, в то время как небрахманские варианты с *y-* (*yāñi, yēñi*) оказываются скоррелированными с там. и кан. вариантами с начальным *n-*.

Именно последнее гипотетическое соответствие — тулу *yāñi* / там. *ñāñi* и т. д. — наводит нас на мысль, что для ПЮД состояния, вместо двух вариантов **yāñ* и **ñāñ*, следует, вероятно, реконструировать один

вариант, но с анлаутом, отличным и от $*y-$, и от $*n-$. При этом очевидно, что вариант $*ñān$ также исключен, т. к. развитие $*ñ- > y-$ в классическом тамильском невозможно.

Учитывая гипотезу, согласно которой в ПД и ПЮД могли быть представлены так называемые «йот-кластеры», т. е. сочетания смычных и сонорных согласных с последующим $*-y-$ [Старостин 2000], наиболее перспективной видится реконструкция ПЮД формы в виде $*nyān$ (или $*ñyān$). Ввиду очевидной неустойчивости подобного сочетания оно оказалось ликвидированным во всех языках-потомках, причем развитие могло идти по одному из нескольких сценариев:

а) упрощение начального кластера с потерей первого элемента ($*ny- > *y- [> \emptyset-]$), имевшее место в пранильгирийском, а также в диалектах, послуживших основой для классического литературного тамильского и каннада. В тулу этот процесс произошел несколько позже, чем в прочих диалектах, т. е. переход $*ny- > *y-$ осуществился уже после того, как перестал действовать закон $*y- > \emptyset-$, чем и объясняется сохранение начального $y-$;

б) упрощение начального кластера с потерей второго элемента ($*ny- > *n-$), имевшее место в подавляющем большинстве ЮД диалектов;

в) палатализация начального носового под влиянием $*-j-$ с последующим выпадением йота ($*ny- > *ñ-$), имевшее место в малаялам.

Косвенная основа местоимения обычно восстанавливается в виде $*yan-$, при этом обнаруживаемое чередование по долготе/краткости, как правило, связывается с правилом, согласно которому дравидийские долгие гласные сокращаются при присоединении к корню вокалического суффикса, т. е., напр., ПД $*yān > \text{там. } yān$, но ПД $*yān-a-kku$ "мне" $> *yan-a-kku > \text{там. } eṇakku$. Однако и здесь не все так просто. Форма $yan-$ не засвидетельствована нигде, кроме тулу, что естественно, т. к. начальный $*y-$ в позиции перед краткими гласными в современных дравидийских языках не сохраняется. Наличие его в ПД и ПЮД можно, однако, предполагать в тех случаях, где на современном уровне наблюдаются необъяснимые чередования начальных гласных в корне — таком, например, как ПЮД $*yan-$ "говорить, сказать" ($> \text{там. } eṇ$, мал. $eṇṇika$, кота $in-$, тода $in-$, кан. $eṇ$, an , код. $*eṇṇ-$ [произв. основы $eṇb-$, $eṇd-$], тулу $apṛini$, $inṛini$; DEDR 868). Видно, таким образом, что рефлекс ПЮД $*ya-$, устанавливаемые на примере данного корня, категорически не подтверждают реконструкцию $*yan-$ для косв. основы местоимения 1-го л.

С другой стороны, маловероятной представляется и реконструкция **nyan-*. Если бы прямая и косвенная основы в ПЮД отличались лишь количеством гласного (**nyān : *nyan-*), хотелось бы, естественно, ожидать, что во всех языках-потомках анлаутные рефлексy обеих (будь то йот, дентальный *n-*, палатальный *ñ-*, или нулевое отражение) будут совпадать. Между тем в целом ряде диалектов тамильского и малайялам, включая современные литературные языки, обнаруживается противопоставление «*n-* / *ñ-* в прямой основе — нуль в косвенной основе». Согласовать этот факт с реконструкцией ПЮД состояния как **nyān/*nyan-* можно лишь если предполагать в этих диалектах развитие [а] **nyā- > nā-* или *ñā-*, но [б] **nya- > ya- > e-*, что довольно сомнительно.

По-видимому, наилучшим выходом из положения являлась бы реконструкция для ПЮД косв. основы в виде **en-*, а изначальной оппозиции — в виде **nyān / *en-*, т. е. считать, что именно в современном литературном (и разговорном) тамильском и малайялам лучше всего сохраняется старое противопоставление. Что же касается широко распространенной в ЮД языках косв. основы *nan-*, то она, очевидно, представляет собой совершенно естественное развитие по аналогии с прямой основой, т. к. встречается только в тех диалектах, где в форме прямой основы уже имел место переход **ny- > n-*. Так же следует объяснять и косв. основу *yan-* в тулу.

1.2. Телугу.

Класс. тел. *ēni, nēni* [*nan-/nā-*]; кам. тел. *nēni* [*nan-/nā-*].

Как и в случае с ЮД языками, вариант без начального носового более характерен для раннеклассического языка, хотя в косвенной основе варианта без носового согласного вообще не зафиксировано. На первый взгляд кажется, что ситуация здесь диаметрально противоположна той, которую мы только что реконструировали для ПЮД (где нуль косв. основы противопоставлен носовому кластеру в прямой основе). На самом деле, однако, косв. основа *nā-* (напр., в форме дат. падежа *nā-ku*) восходит к более древнему прототипу **Vn-á-ku* (= там. *enakku*, etc.), где *V = *ā-* или **ē-*, т. е. является результатом вполне регулярной для телугу синкопы начального гласного в позиции перед «сильными» суффиксами. (Такого рода синкопа обычно характерна для корней с сонантами *-r-*, *-l-*; ср. *rāyu* "тереться" < **ar-ái-* и т. п.; для сонанта *-n-* она ограничивается исключительно формами личных местоимений, что, впрочем, можно легко объяснить чрезвычайной

редкостью структур типа $*Vn-\acute{V}$ - в ПД). Форма *nan-*, представленная в вин. падеже *nanpi*, в свою очередь, вторична по отношению к *nā-* (*nanpi* < $*nāpi$ < $*Vn-\acute{a}-pi$).

Что же касается «дублета» *ēpi/nēpi*, то здесь, как и в ЮД, более архаичным вполне может оказаться «неклассический» вариант *nēpi* < $*nyēpi$ (< $*nyāpi$), в то время как в языке ранних памятников более употребителен вариант с выпадением носового. Таким образом, для телугу оказывается возможным вообще не предполагать никаких развитий по аналогии (хотя, конечно, полностью исключить сценарий, согласно которому форма *nēpi* оказывается «восстановленной» по аналогии с косв. формами, невозможно).

1.3. Колами-гадаба.

Кол., нкр., нк., пар., гад. олл., сал. *ān* [*an*].

Поскольку в этой подгруппе рефлексы по всем языкам совпадают, для ПКГ однозначно реконструируется $*ān$, косв. основа $*an-$.

1.4. Гондванские.

Гонди: бет. *anā*, чан. *nanpā*, адил. *nanpā*, койя *nanpā*, еот. *papa*, мар. *papa* (косв. основа везде *nā-*). Кон. *nān(u)* [*nā-*]; пен. *ān*, *āneṅ* [*nā-*, *paŋg-*]; ман. *ān* [*nā-*]; куи *āpi* [*nā-*]; куи (диал. куттия) *nāpi* [*nā-*]; куви *nāpi* [*nā-*].

Форма косвенной основы для прагондванского однозначно восстанавливается в виде $*nā-$ и, как и в телугу, представляет собой вторичное развитие из $*Vn-\acute{a}-$. Вполне вероятно, что долгий гласный *ā*, присоединенный в гонди к прямой основе, появился в ней по аналогии с соотв. гласным в косвенной.

Что касается анлаута прямой основы, то здесь, как и прежде, налицо диалектное распределение между вариантом с нулем и с носовым *n-*. Отметим сразу же, что варианты с нулевым рефлексом (бет. гонди, пенго-манда, куи) никак не могут восходить к ПД $*yān-$, т. к. в этом случае в этих языках ожидался бы *e-* или, в крайнем случае, *o-*образный рефлекс: ср. ПД $*yān-ai$ "слон" > бет. гонди [*y]ēnī* [DEDR 5161]; ПД $*yād-$ ($\sim*yēd-$) "вода" > бет. гонди *yēr*, пен. *ēz*, ман. *ey*, куи *ēju* [DEDR 5159]; ПД $*yād-$ ($\sim*yōd-$) "коза" > бет. гонди [*y]ēṭī*, пен. *ōḍa*, ман. *īḍe*, куи *ōḍa* [DEDR 5152]. Это, впрочем, не означает, что мы обязательно должны восстанавливать ПГ форму в виде $*nyān$; совершенно не исключено, что на прагондванском уровне был представлен вариант $*ān$, а начальный *n-*, как это традиционно считается, появился в большинстве диалектов вторично, по аналогии с косвенной основой,

где бывший инлаутный носовой *-n- вследствие редукции и синкопы стал восприниматься как анлаутный согласный.

С другой стороны, нельзя исключить и то, что все гондванские формы отражают старый вариант *nyān, причем развитие шло либо в направлении *nyān > nān, либо *nyān > *ñān > ān (но не *nyān > *yān, т. к. в этом случае дальнейшее развитие должно было быть > ēn).

Таким образом, здесь мы имеем дело с двумя приблизительно равновероятными гипотезами. Предпочтительнее все же выглядит реконструкция *ān, поскольку (а) ни в одном гондванском диалекте не обнаруживаются какие-либо «особые» рефлексы ПД *ny-, типа тех, что представлены в малаялам и тулу; (б) изменение прямой основы по аналогии с косвенной — явление в целом более понятное, чем изменение основы 1-го л. ед. ч. по аналогии с основой инклюзива 1-го л. мн. ч.; (в) наконец, это лучше согласуется с реконструкцией соответствующего местоимения 1-го л. мн. ч., см. ниже.

1.5. Северно-дравидийские.

Кур. ēn [eŋg-]; млт. ēn [eŋg-].

Реконструкция однозначна: ПСД *ēn, косв. основа *eŋ-.

1.6. Прадравидийская форма.

Промежуточные формы и реконструкции: ПЮД *nyān [*en-]; тел. *nyēn(u) [*nā-]; ПКГ *ān [an-]; ПГ *ān [*nā-]; ПСД *ēn [*eŋ-]; бра. ī [kan-].

Отметим прежде всего, что даже если предпочесть нашей реконструкции начального кластера в ПЮД традиционную реконструкцию с начальным *y-, это все равно не дает возможности свести все имеющиеся варианты к ПД *yān-. Так, например, в двух не-местоименных корнях с начальным *y-, надежно засвидетельствованных в подгруппе колами-гадаба, по языкам прослеживается e-образный рефлекс: ср. там. yāru "река" — пар. per-ed id.; там. yānai "слон" — кол. en-āgī, пар. ēni, гад. ēn-ig id. Аналогично в гондванских языках: пен. ēz "вода", кон. ēn-gu "слон" при пен. ān, кон. nān(u) "я". По сути, из всех дравидийских подгрупп только ПСД форма *ēn более или менее удовлетворяет традиционным соответствиям (ср. кур. ērā "коза", млт. ēre id. = там. yātu).

Логично, таким образом, было бы считать, что кластер *ny-, реконструированный для ПЮД, присутствовал в прямой основе личного местоимения 1-го л. уже на ПД уровне. Основным отличием развития этой основы в южно-дравидийских языках, таким образом,

было сохранение этого кластера вплоть до распада ПЮД, после чего он претерпевал независимые изменения в языках-потомках, в то время как в остальных подгруппах он оказывался элиминированным уже на протоуровне: $*ny-$ > $*y-$ в ПСД, но $*ny-$ > $\emptyset$ - в ПКГ и ПГ.

Отдельную проблему представляет форма $\bar{i}$, зафиксированная в брауи. Действительно, традиционная реконструкция $*yān$ с трудом объясняет столь странный рефлекс; попытки возвести его к $*yān$ кажутся столь натянутыми, что М. С. Андроновым даже была предложена радикально иная трактовка, согласно которой форма $\bar{i}$ исторически связана не с личным местоимением 1-го л., а с указательной основой $*i-$ "этот" [Andronov 1993] — решение, практически безупречное с фонетической стороны, но вызывающее определенные сомнения с точки зрения дравидийской исторической семантики. Стоит отметить, однако, что в брауи почти полностью отсутствуют формы, восходящие к ПД корням с начальным $*y-$, а немногие исключения ведут себя достаточно странно (ср. $dē$ "кто" < $*nē-$ < $*yā-$; $hēt$ / $\neq$ $?ē$ / "коза" < $*yā$ с неясным начальным ларингалом); в силу этих обстоятельств невозможно утверждать что-либо определенное — не исключено и развитие $\bar{i}$ < $*yī-$ < $*yā-$ с вокалической ассимиляцией. Очевидно лишь то, что рефлексация в брауи не дает никаких дополнительных аргументов в пользу реконструкции $*ny-$ — однако и не исключает ее.

Что касается косвенной основы местоимения 1-го л. ед. ч., то здесь, казалось бы, следует реконструировать форму, отличающуюся от прямой основы только количеством гласного, т. е. $*nyan-$. Однако в этом случае нам пришлось бы признать, что развитие начального $*ny-$ в дравидийских языках существенным образом зависит от количества последующего гласного, напр., в юж.-др.: $*nyā-$ > $*nyā-$, но $*nyā-$ > $*e-$. Не очень ясно, как конкретно должно было проходить подобное развитие; даже если учесть, что анлаутные слоги типа $*yV̄-$ (> там. $e-$) действительно противопоставлены в дравидийских языках анлаутным слогам типа $*yV̄-$ (> там. $yā-$), мы бы скорее ожидали для ПД $*nyan-$ тамильский рефлекс типа $*nep-$, но никак не $en-$ с отпадением носового. Определенная проблема связана также с синкопированными формами типа $nā-$ в телугу и в гондванских языках: маловероятно, чтобы редуцированный вариант $*nyān-V̄-$ с прикрытым первым слогом трансформировался в $nā-$ на столь раннем этапе.

Реально засвидетельствованные формы склоняют нас к тому, чтобы считать первичной ситуацию, реконструированную выше для ПЮД — т. е. состояние, при котором косвенная основа местоимения

противопоставляется прямой наличием/отсутствием начального *n-. Наиболее архаичная ситуация, таким образом, оказывается представленной не в классическом тамильском, а в современном языке (а также в малаялам) — ситуация на первый взгляд неправдоподобная, но на самом деле вполне возможная при условии, что в классическом языке на достаточно раннем этапе утвердился вторично выравненный «нормированный» вариант, в то время как вариант с носовым продолжал существовать в ряде нелитературных диалектов и лишь значительно позже проник в литературный язык. Ср. схожее утверждение в [Zvelebil 1977: 46]: «One explanation of the late occurrence of the forms with initial *n*- is that the Ta. form *yān*... was the form current in the literary dialect, or, at any rate, the 'standard' form, while *nān*... was a form current in some spoken dialect(s) which became accepted as a literary form much later». Отличие состоит лишь в том, что К. Звелебил не решается проецировать вариант с начальным *n*- на праюжно и непосредственно прадравидийское состояние, в целом поддерживая гипотезу его вторичного развития по аналогии с другими личными местоимениями на *n*-.

В отличие от него, мы будем для ПД реконструировать следующие формы: прямая основа ***NYĀN**, косв. основа *(**Y**)EN-. Точно определить, был ли в косв. основе начальный *y*-, невозможно, поскольку рефлексия ПД *ye- неизвестна.

Развитие по подгруппам имеет следующий вид: а) от ПД к ПЮД — без изменений; б) от ПД к прателугу: *nyā- > *nyē-; *(*y*)en-*V̇*- > **ŃnV̇*- > *nā-; в) от ПД к ПКГ: *nyā- > *ā-; *ye- > *a- (или же, особенно при реконструкции *e-, косв. основа могла вторично выравниваться по прямой); г) от ПД к ПГ: *nyā- > *ā-; косв. основа развивается так же, как в телугу; д) от ПД к ПСД: *nyā- > *nyē- > *ē-; *(*y*)e- > *e-.

Без непосредственного объяснения остается загадочная косв. основа *kan*- в брауи; крайне маловероятно, чтобы *k*- мог отражать ПД *y-. К сожалению, данных по исторической фонологии брауи категорически недостаточно, чтобы определить, является ли этот вариант в какой-либо степени архаичным или, наоборот, представляет собой радикальную инновацию.

2. Личное местоимение 1-го л. мн. ч. эксклюзива.

2.1. Южно-дравидийские.

Класс. там. *yāt* [et-]; совр. лит. там. *nāṅga!* [eṅga!-]; разг. там. *nāṅge* [eṅga!-]; ир. *nāti* [et-]; мал. *nāṅga!* [eṅga!-, nāṅga!-]; кас. *nām(i)* [nam-];

курру *nāṅga*(!), *naṅge*; кота *āt* [*et-*]; тода *et* [*et-*]; код. *eṅga* [*eṅga-*], *naṅga* [*naṅga-*]; класс. кан. *āt* [*et-*]; совр. кан. *nāvu* [*nat-*]; крб. *yaṅḡi*; тулу *yaṅkḷi* [*yaṅkḷe-*], тулу брахм. *ēṅk(u)lu* [*eṅkuḷe-*].

Реконструкция формы эксклюзива для ПЮД значительно осложняется тем, что уже на прауровне его судьба была теснейшим образом переплетена с формой инклюзива **nāt*. Если, исходя из реконструкции местоимения ед. ч., восстанавливать для ПЮД эксклюзив **nyāt*, становится очевидно, что во всех тех диалектах, где **ny-* > **n-*, эксклюзив должен был формально совпасть с инклюзивом, и соответствующая оппозиция должна была либо исчезнуть, либо получить новое выражение. По-видимому, неслучаен, в частности, тот факт, что в древнейших памятниках тамильского языка четкой оппозиции между инклюзивным *nāt* и эксклюзивным *yāt* не прослеживается, а в грамматике «Толкаппиям» лишь отмечается сосуществование данных форм, но ничего не говорится о различии в их семантике [Zvelebil 1977: 44]; такая ситуация может говорить о том, что в этот период тамильское *nāt* восходило как к исходному **nāt* инклюзива, так и (в качестве диалектного развития) к старому эксклюзиву **nyāt*. (Отметим, однако, что данную ситуацию вряд ли следует трактовать как по-настоящему архаичную, т. е. не следует подвергать сомнению наличие оппозиции по инклюзивности-эксклюзивности в прадравидийском как таковом).

По всей вероятности, проблема нейтрализации старой оппозиции была решена путем создания «нового эксклюзива» через присоединение регулярного показателя мн. ч. существительных **-ka!*, хотя точно определить, к какой именно форме — множественного числа **nyāt* или единственного числа **nyān* — присоединялся этот показатель, не представляется возможным, поскольку ни в одном юж.-др. диалекте не сохранился неассимилированный вариант (как **-m-k-*, так и **-n-k-* одинаково должны были дать **-ṅ-*). Тот же формант мог присоединяться и к косвенной основе **en-*, хотя противопоставление *nāṅga!* / *eṅga!* характерно только для неклассического тамильского и малаялам.

Забегая несколько вперед, отметим, что ни в одном дравидийском языке за пределом юж.-др. подгруппы не зафиксировано вторичных форм типа **naṅ-ka!* или **eṅ-ka!*; это объясняется отчасти тем, что в этих языках отсутствовало развитие **ny-* > **n-*, повлекшее за собой совпадение инклюзива и эксклюзива.

Если, таким образом, отбросить все суффиксальные формы как вторичные, итоговая ситуация практически идентична положению с местоимением ед. ч. — за исключением разве что рефлексов в ирула, где налицо противопоставление *n*-варианта прямой основы нуль-варианту косвенной (*nāti* — *et*-), аналогичное соответствующему противопоставлению в местоимении 1-го л. ед. ч. в совр. лит. и разг. тамильском языке. Отклонение представляет только форма *et* в тода, очевидно, возникшая в результате аналогического выравнивания по косвенной основе (ожидался бы вариант *ōt, ср. *ōn* "я").

Мы будем считать, что исходная ситуация была полностью аналогичной предыдущему случаю и восстанавливать *nuāt для прямой основы и *et- для косвенной; в наиболее архаичном виде эта оппозиция сохраняется только в ирула.

2.2. Телугу.

Класс. телугу *ēti*, *nēti*, *tēti* [*tā*-]; кам. тел. *tēti* [*tattal-/tā*-].

Здесь ситуация также полностью аналогична ситуации с формой ед. ч. Косвенная основа представляет собой синкопированный вариант более древнего *Vm-á- (= *ēm-á-?). Что касается прямой основы, то здесь обычно считается, что начальный *m*- проник в форму *tēti* из косвенной основы *tā*- по аналогии с оппозицией *nēni* / *nā*- в ед. ч. (см., например, [Андронов 1994: 180]). Такое объяснение вполне приемлемо, однако оставляет непонятной форму *nēti*, также засвидетельствованную в класс. языке; если в форме эксклюзива изначально отсутствовал анлаутный носовой, почему он должен — пусть даже в качестве редкого варианта — "восстанавливаться" в виде *n*-?

От перенаслоения целой цепочки аналогических развитий (*nēni* < *ēni* по аналогии с *nā*-, после чего *nēti* < *ēti* по аналогии с *nēni*; *tēti* < *ēti* по аналогии с *tā*-) нас опять-таки освобождает реконструкция прателугу формы в виде *nuēti. В этом случае варианты *ēti* и *nēti* представляют собой два диалектных развития (без каких-либо аналогических выравниваний), и только форма *tēti*, появившаяся впоследствии, «выправляет» асимметричную систему *nēni/nā*- — *nēti/tā*-.

2.3. Колами-гадаба.

Кол., нкр., нк., пар., гад. олл., сал. *āt* [*at*-].

Итоговая форма однозначно реконструируется как *āt, косв. основа *at-.

2.4. Гондванские.

Гонди: бет. *amtaʃ*, чан. *tamotoi*, адил. *tamoʃ*, *tamo*, гомму *tanpa*, койя *tatpa*, мар. *tamāʃ*, *māʃ* (косв. основа везде *mā-*). Кон. *māp(u)* [*mā-*]; пен. *āp*, *āpeŋ* [*mā-*, *maŋg-*]; ман. *ām* [*mā-*]; куи *āti* [*mā-*]; куи (диал. куттия) *māti* [*mā-*]; куви *māmbu* [*mā-*].

Гондванские данные значительно более неоднородны, чем данные прочих ветвей. Прежде всего из рассмотрения должны быть исключены все диалектные формы гонди на *-ʃ* (*-t*), т. к. этимологически они восходят к формам инклюзива, вытеснившим старый эксклюзив — в связи с чем в подавляющем большинстве диалектов гонди оппозиция по инклюзивности/эксклюзивности утрачена полностью. (В бетульском диалекте она оказывается вторично восстановленной путем переосмысления формы *amtaʃ* как эксклюзивной и заимствования из соседнего языка маратхи варианта *aplō* < *āplā* для обозначения инклюзива).

Оставшиеся формы распределяются по двум основным вариантам: а) **[m]ām[b]-* > койя *tatpa*, ман. *ām*, куи *āti*, куттия *māti*, куви *māmbu*; б) **[m]āp-* > кон. *māp(u)*, пен. *āp*. Косвенная основа для обоих вариантов однозначно восстанавливается как **mā-*.

Вариант а) в целом полностью аналогичен соответствующим формам ед. ч. Регулярным развитием из ПГ **ām* здесь следует считать формы с нулевым анлаутом в манда и в куи; начальный *m-* появляется в них под влиянием косвенной основы, что полностью параллельно соответствующему процессу в телугу.

Не вполне ясным остается появление в конда и пенго конечного согласного *-p* (представленного в этих языках также и в качестве регулярного глагольного окончания показателей 1-го л. мн. ч. эксклюзива: кон. *-ap*, пен. *-apa*). Тот факт, что конечный *-p* зафиксирован одновременно в двух разных подгруппах гондванской семьи, однозначно свидетельствует в пользу его возведения к прагондванскому уровню. Настораживает, однако, что за пределами гондванского этот показатель не обнаруживает ровным счетом никаких параллелей.

Возможно, определенную ясность в этот вопрос могут внести такие «дублетные» формы, как куви [в записи Ф. Шульце] *māmbu* "мы (экскл.)" — *māpo* "на нашей стороне". Конечный *-o* является здесь показателем местного падежа, в связи с чем ср., например, такую оппозицию, как *nāy-u* (< **nād-u*) "деревня" (им. п.), но м. п. *nāʃ-o* (< **nāʃ-o*). Чередование ауслаутных согласных восходит здесь к довольно старой модели, действовавшей уже на ПД уровне и обычно объ-

ясняемой как результат слияния ауслатного согласного корня с соединительным инкрементом *-t(t)- (т. е. **nāt-o* < **nād-t-o*; см., в частности, [Андронов 1994: 119-120]). Вполне вероятно, что в гондванской подгруппе подобное чередование могло по аналогии распространиться и на именные основы с долгим гласным и конечным сонорным, т. е. **āt* (диалектный вариант **ām[bi]* с эпентетическим **-b[u]* вполне ожидаем при долгом гласном основы; ср. гон. *sēmūl*, *hēmūl* "черепаша", но кон. *tāmbel*, куи *sēm̄bi id.*) > *āt*, но **ām[b]-V* (где *V* = одно из падежных окончаний) > **āmp-V* > **āp-V* (в конда и куви) или > **āp-V* (в пенго). Впоследствии вариант **āpV* также подвергся выравниванию по косвенной основе (> **tāpV*), а в конда и в пенго вытеснил старую форму именительного падежа.

Данное объяснение представляется нам более обоснованным, чем, скажем, предложенная Бх. Кришнамурти [Krishnamurti 1968] гипотеза о «структурном заимствовании» из близлежащих языков мунда, где морфема типа *-pe-* действительно отмечена в местоименной основе, но только 2-го л. мн. ч. (ср. мундари *ā-pē*, сантали *ām-pā* и т. п.). В мундари, помимо этого, имеется и форма 1-го л. мн. ч. *abu* — но она, в отличие от пенго *āp*, характеризует инклюзив, а не эксклюзив. Не исключено, что какие-то элементы структурного сходства могли помочь варианту **[m]āp* закрепиться в ряде гондванских языков, но попытки приписать форманту *-p-* внедравидийское происхождение, по-видимому, несостоятельны. (О единственном исключении — бет. форма инклюзива *aplō* — см. выше).

2.5. Северно-дравидийские.

Кур. *ēm* [*em-*]; млт. *ēm* [*em-*].

Реконструкция однозначна: ПСД **ēm*, косв. основа **em-*.

2.6. Прадравидийская форма.

Промежуточные формы и реконструкции: ПЮД **nyām* [**em-*]; тел. **nyēm(u)* [**mā-*]; ПКГ **ām* [*am-*]; ПГ **ām* [**mā-*]; ПСД **ēm* [**em-*]; (?) бра. *nap*.

Итоговая ситуация практически ничем не отличается от соответствующей ситуации с местоимением 1-го л. ед. ч., в силу чего мы можем, опираясь на рассуждения, приведенные выше в п. 1.6, уверенно реконструировать ПД **NYĀM* (прямая основа) и **(Y)EM* (косвенная основа).

Не до конца ясной, как и прежде, остается ситуация с брауи, где не отмечена оппозиция по инклюзивности/эксклюзивности. Вследствие наличия в этой форме начального *n-* ее обычно отождествляют с общедравидийским инклюзивом (см. ниже); однако при изменении традиционной реконструкции с **uāt* на **nuāt* анлаутный носовой оказывается присутствующим в обеих формах, так что не исключено, что обе они в брауи просто совпали. Впрочем, если мы все же придерживаемся высказанной выше гипотезы о развитии ПД **nuān* > бра. *ī*, то логичнее было бы предположить, что в брауи совпали не ПД **nuāt* и **nāt*, а скорее ПД **nuān* и **nuāt*, вследствие чего старому инклюзивному местоимению пришлось взять на себя и функцию эксклюзива. Что касается развития **nat* > *nap*, то оно может носить ассимилятивный характер.

(Отметим, что М. С. Андронов предпочитает подобного рода фонетическим объяснениям семантическую версию, согласно которой форма *nap* на самом деле восходит к ПД местоимению 1-го л. ед. ч., взявшему на себя функции мн. ч. после того, как функции ед. ч. перешли к *ī* < **i-* "этот". Как уже говорилось выше, эта гипотеза кажется нам менее убедительной с типологической точки зрения. Положительная ее сторона, однако, заключается в том, что она не требует постулирования никаких нетривиальных — и недоказуемых — фонетических развитий в брауи, так что полностью отвергать ее как несостоятельную невозможно).

О некоторых особенностях развития ПД эксклюзива в языках-потомках см. ниже, в п. 3.6.

3. Личное местоимение 1-го л. мн. ч. инклюзива.

3.1. Южно-дравидийские.

Класс. там. *nāt* [*nat-*]; совр. лит. там. *nāt* [*nat-*]; разг. там. *nāmbē* [*nambal-*]; ир. *nāntī* [*nat-*]; мал. *nāt* [*nat-*]; курру *nambe*; ката *āt* [*at-*]; тогда *ot* [*ot-*]; класс. кан. *nāvu* [*nat-*]; крб. *naṅṅi*; тулу *nata*, *nāvu* [*nat-*].

На основании вышеперечисленных форм в ПЮД (и непосредственно ПД) традиционно реконструируется форма **nāt* с косвенной основой **nat-*. Этот вариант хорошо согласуется с рефлексам в тамильском, малаялам и каннада, где диалектное развитие **-m-* > *-v-* перед эпентетическим *-i* вполне ожидаемо (ср. для формы возвратного местоимения мн. ч. варианты *tām* и *tāvu*). Краткий гласный в тулу *nata*, очевидно, связан с аналогическим выравниванием по

косвенной основе. Форма *paŋgi* в куруба восходит к **paŋ-ga!* или **paŋ-ga!* и также представляет собой аналогическое «достраивание» к форме эксклюзива *yaŋgi*.

Категорически необъяснимой с точки зрения традиционной реконструкции, однако, является форма *ot* в тода. Наличие в ней краткого гласного как бы свидетельствует о том, что она также подверглась влиянию косвенной основы и с этой точки зрения абсолютно параллельна эксклюзивной форме *et* (см. выше). Однако удивительно здесь не столько количество огласовки, сколько полное отсутствие начального согласного — очевидно, что при ПЮД форме **nāt* мы бы ожидали в тода вариант **nōt* или (с выравниванием по косвенной основе) **not*, но никак не просто *ot*.

В непосредственной близости к формам в тода находятся рефлексы в ката. Здесь можно было бы, конечно, предположить, что форма *āt* есть на самом деле не что иное, как старая форма эксклюзива, взявшая на себя также и инклюзивные функции. При этом, однако, косвенные основы у обоих местоимений продолжают различаться — и если косвенную основу эксклюзива *et-* можно возвести к реконструированной нами праформе **et-*, то косвенная основа инклюзива **at-* опять-таки не может восходить ни к ПЮД **et-*, ни к **paŋ-*. Если же считать, что ката *at-* выровнялось по аналогии с прямой основой *āt*, остается непонятным механизм, согласно которому это выравнивание затронуло инклюзивные формы, но не сегментно тождественные им эксклюзивные.

Можно, наконец, предположить, что начальный *n-* исчез как в прямой, так и в косвенной основах уже на пранильгирийском (пракота-тода) уровне под влиянием форм эксклюзива. Однако и это объяснение маловероятно; одно дело, когда в результате такого взаимодействия оппозиция «инклюзив — эксклюзив» нейтрализуется полностью, и совсем другое, когда она остается действительной. Изменение по аналогии такого рода не приводит ни к упрощению, ни к дополнительной симметризации системы, и, таким образом, не имеет никакого смысла.

Нам представляется, что исходная ситуация на самом деле аналогична ситуации с формами 1-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. эксклюзива, для которых в ПЮД (и далее в ПД) были реконструированы основы **nūān / *en-*, *nūāt / *et-*. Парадигма инклюзивного местоимения в ПЮД имела вид **nāt* (прямая основа), **at-* (косв. основа), т. е. характеризовалась той же оппозицией «+[n-] / -[n-]», что и остальные

две. Впоследствии, что вполне естественно, парадигма подверглась аналогическому выравниванию. При этом, поскольку начальный *n*-прямой основы отличался большей устойчивостью, чем «слабый» кластер *ny-*, развитие в основном шло по пути обобщения варианта именно с начальным *n-*, и лишь в пранильгирийском был обобщен вариант с нулевым анлаутом — вероятно, за счет достаточно ранней элиминации начального *ny-* в эксклюзиве, после чего из системы **ān* / **em-* — **nān* / **am-* был естественным путем устранен «последний» носовой.

Только такая интерпретация, на наш взгляд, позволяет адекватно объяснить особый статус нильгирийских форм инклюзива и примирить их с данными прочих южнодравидийских языков.

3.2. Телугу.

Класс. телугу *тапати* [*тапа-*]; кам. тел. *тапат(i)* [*тапа(mal)-*].

Все основные диалекты телугу более или менее согласованно свидетельствуют в пользу прателугу варианта **тапат(u)* с косвенной основой **тапа-*. Этот вариант инклюзивного местоимения не встречается более ни в одном из дравидийских языков и явно вторичен. Согласно М. С. Андронову [Андронов 1994: 180], инновация в телугу сначала затронула косвенную основу, где *тапа-* < *пата-*, после чего *тапати* < *пāti* по аналогии с новой косвенной основой.

Данная гипотеза кажется вполне правдоподобной. Сомнения вызывают лишь факторы, обусловившие метатезу в косвенной основе. М. С. Андронов объясняет это тем, что начальный *n-* в телугу стал ассоциироваться с единственным числом (т. е. с такими формами, как *пēпи* "я"). Вряд ли такое обоснование является достаточным. Основную причину скорее следует искать в области фонетики. Выше уже было упомянуто, что все косвенные основы личных местоимений подвергались в телугу сильной редукции, приводившей в конечном итоге к синкопе корневого гласного. Логично предположить, что редукции подвергалась и косвенная основа инклюзива, которую мы для ранней стадии прателугу условно восстановим как **nām-ŷ-*. В результате образовывался неудобопроизносимый кластер типа **nm-*, который на определенном этапе перешел в более естественное (для телугу) сочетание **m-*. При этом между обоими носовыми мог на самом деле присутствовать сильно редуцированный гласный (**nām- > *nəm- > *m-*), который, уже после завершения действия закона редукции и синкопы, восстановился обратно в виде *-a-*.

Против данной интерпретации косвенно свидетельствует тот факт, что нам неизвестны другие корни типа *CVm-*, в которых редукция гласного вызывала бы подобные изменения; такой процесс характерен скорее для корней с инлаутными **-r-*, **-ɾ-* (ср. *prā-* "старый" < **pra-* [DEDR 3999] и т. п.) и никогда не затрагивает корни с начальным *n-*. Отметим, однако, что и редукция гласного в косвенных основах остальных личных местоимений также не вполне подчиняется универсальной схеме, т. к. обычные корни типа **Vm-* в телугу также практически не синкопируются. Ср., например, там. *aṭai* "достигать" — тел. *ḍāyu* "приближаться" (с синкопой), но (с аналогичной структурой) там. *atai* "быть подходящим" — тел. *atayu* (не **tāyu*). По-видимому, при анализе местоименных форм в телугу следует в качестве особого фактора учитывать их частотность и употребительность, обусловившие редукцию гласного там, где ее в принципе не следовало бы ожидать.

3.3. Колами-гадаба.

Кол. *nēṇḍ* [nēṇḍ-]; нкр. *nēṇḍ* [nēṇḍ-], *nēt* [nēt-]. В парджи и гадаба особые формы инклюзива отсутствуют.

Формы в колами и найки традиционно рассматриваются как инновационные; более архаичным считается вариант *nēt* в найки (см., в частности, [Krishnamurti 1968: 81]). Однако при строгом следовании принципу промежуточных реконструкций нам следовало бы, вероятно, рассматривать в качестве первичного именно вариант *nēṇḍ*. В самом деле, у нас нет ни малейшей возможности сколь-нибудь убедительно объяснить ни причину утраты в колами «первичной» формы *nēt*, ни странный «суффикс» *-ṇḍ*, появившийся практически на пустом месте. В лучшем случае можно предположить, что *nēṇḍ* < **nēt-ḍ-* с ассимиляцией, что, естественно, не снимает проблемы. В языках колами-гадаба действительно имеется местоименный суффикс типа *-ṇḍ*, однако он встречается только в указательных местоимениях, где выражает строго определенное значение мужского рода единственного числа; распространение его на форму инклюзивного личного местоимения было бы по меньшей мере странным.

Напротив, если принять вариант *nēṇḍ* в качестве первичного для языков колами-гадаба, вариант *nēt* в найкри легко объясним — он появился по аналогии с эксклюзивом *āt*. В любом случае не следует забывать, что форма *nēt* непримирима с формой **nāt*, реконструируемой нами для ПЮД, так как не удастся объяснить вокализм *-ē-* в

найкри. Бх. Кришнамурти на основании нкр. *nēt* восстанавливает для ПД вариант **ñāt-*, но это абсолютно невозможно, т. к., во-первых, ни в одном из юж.-др. языков нет никаких следов палатального носового в инклюзиве, во-вторых, в самом найкри палатальный **ñ-* перед **-e-* должен был развиваться в нуль, как, например, в нкр. *ēl* "земля" < ПД **ñēl-* ([DEDR 2913]; подробнее о развитии ПД палатального носового в зависимости от последующего гласного см. [Старостин 2000]).

Заметим также, что кластер *-nḍ-* в колами и найкри дает возможность реконструировать для ПКГ как ретрофлексный кластер **-nḍ-*, так и альвеолярный **-nḍ-*. Имея возможность учитывать внешние данные (в данном случае — северно-дравидийских языков, см. ниже), мы выбираем первый вариант и восстанавливаем для ПКГ форму инклюзива **nēnḍ* (косвенная основа, по-видимому, ничем не отличалась от прямой, хотя не исключено и позднее аналогическое выравнивание).

3.4. Гондванские.

Гонди: особые формы инклюзива присутствуют лишь в нескольких диалектах, напр. гом. *tanpaḍa* (относительно бет. *aplō* см. 2.4), в большинстве диалектов инклюзив не отличается от эксклюзива. Кон. *māḥ(u)* [*mā-*]; пен. *ās, āseṅ, āheṅ* [*mā-, maṅ-*]; куи *āju* [*mā-*]; куви *māro* [*mā-*].

Здесь мы впервые сталкиваемся с ситуацией, когда две или более дравидийские подгруппы категорически не согласуются друг с другом в выборе формы личного местоимения. Инклюзив как особая категория широко представлен во всех гондванских языках, кроме гонди, но ни в одном из них нет формы инклюзива, хотя бы отдаленно напоминавшей юж.-др. **nāt*. Не вполне ясно даже соотношение форм внутри самой гондванской подгруппы; в косвенной основе практически везде представлен тот же вариант **mā-*, что и в эксклюзиве, но свести все прямые основы к одному тривиальному ПГ прототипу на первый взгляд не представляется возможным. Для максимально корректного решения вопроса нам необходимо обратиться к еще более мелким промежуточным реконструкциям.

Куи *āju*, очевидно, родственно пен. *ās*; такое соответствие говорит о том, что форма в куи восходит к более раннему **ād-*. Развитие ПГ **-d-* > куи *-j-* является регулярным, однако возвести к этому же прототипу куви *māro* не столь просто, поскольку ожидался бы скорее рефлекс **-y-*, ср., например, ПГ **nād-* "деревня" > куи *nāju*, куви *nāyu* (<

ПД **nāḍ-* [DEDR 3638]). По сравнению с этой проблемой нерегулярное соответствие «куи $\emptyset$ - — куви *m-*» решается очень просто (пракуви **āro* > **māro* под влиянием косвенной основы).

Тем не менее, тщательный анализ материала показывает, что в куви все же имеется ряд форм с инлаутным *-r-*, явно восходящим к ПГ **-ḍ-*. Это прежде всего глагольные корни в сочетании с транзитивным суффиксом *-h-* (< **-s-*), напр. *ūr-h-* "бодать", ср. кон. *ur-* id. (ПД **uḍ-* [DEDR 706]); *per-h-* "поднимать", ср. кон. *per-*, там. *per-ukku* "собирать" (ПД **peḍ-* [DEDR 4446]) и т. п. Помимо этого, рефлекс *-r-* отмечен еще в сочетании **-ḍ-l-* в таких формах, как *ērḷ-ali* "быть отделенным" (в записи А. Фитцджеральда), *ēr-sinai* "сортировать" (в записи Ф. Шульце); ср. куи *ēj-a* "быть отдельным", кон. *er-l-is-* id. [DEDR 915]. Наконец, любопытно отметить также соответствие куи *vangosi* — куви *vendōri* "язык" (ср. мар. гонди *venjer* id.; наличие в диалекте мария *r* свидетельствует о бывшем альвеолярном; [DEDR 5470]).

Можно, таким образом, предположить, что куви *māro* и куи *āju* все же имеют общее происхождение. Однако вышеприведенные примеры показывают, что ПГ **-ḍ-* отражается в куви в виде *-r-*, как правило, только в составе специфических кластеров, в то время как форма *māro* сама по себе не дает никаких оснований для реконструкции в ней старого сочетания согласных. Для решения этой проблемы, по-видимому, следует обратить внимание на морфологическую структуру этой формы. Бросается в глаза, что куви *māro* по своему устройству полностью аналогична форме *māro*, производной от эксклюзива (см. 2.4). Вполне вероятно, что *māro* на самом деле является застывшей формой локатива, вытеснившей более древний номинатив (последний должен был иметь вид **[m]āyu*).

Выше уже говорилось, что в именных корнях структуры **CVC-* уже на ПД уровне действовало некоторое чередование, результатом которого в современных дравидийских языках является чередование звонких (негеминированных) согласных в прямой основе и глухих (геминированных) в косвенной. Именно этим чередованием и объясняется, в частности, оппозиция *māmbu/māp-o* в куви. Логично предположить, что и незасвидетельствованное, но потенциальное чередование **[m]āyu/mār-o* связано с этой же особенностью. Проблема здесь в том, что если возводить это чередование к ПГ **[m]āḍ-/*[m]āt-*, в куви ожидался бы скорее вариант **māso* (ср., напр., ПД **puḷ-* "муравейник" > куви *pūci, piṣci* [DEDR 4335]). Однако если предположить, что в ПГ оппозиция между прямой и косвенной основами на самом

деле имела вид $*[m]āḍ-/*[m]āḍ-t-$ (см. выше относительно данной интерпретации), то для куви вполне естественно ожидать нетривиальное развитие типа $*-ḍ-t- > *-ḍ-s-$ (по диссимиляции), после чего $*-ḍ-s- > *-rh- > *-r-$, как и в указанных выше глагольных основах. (Отметим, кстати, что в записях А. Фитцджеральда фигурирует форма *mārrō*, при том, что гемината *-rr-* у Фитцджеральда встречается крайне редко; не исключено, что она на самом деле отражает старый вариант $*mārho$).

Пракуи-куви прямая основа инклюзива, таким образом, может быть реконструирована в виде $*āḍ-$. Косвенная основа везде имеет вид $*mā-$, хотя, как было только что показано, данные куви свидетельствуют и о варианте $*āḍ-t-$. Поскольку и тот, и другой вполне могут оказаться вторичными ($*mā-$ — «позаимствован» у эксклюзивного местоимения, а $*āḍ-t-$ — образован по аналогии с многочисленными именными основами на $*-ḍ-$), неясно, которому из них следует отдать предпочтение.

Формы инклюзива в куи-куви и в пенго (где $ās < āz < *āḍ$) явным образом противопоставлены формам в гонди и конда, где наибольшей частотностью отличается вариант с ауслаутным $-ḥ$. Конда *māḥ*, в частности, напрямую соответствует варианту *māḥ*, обнаруживаемому в мария гонди, и можно предположить, что именно эта форма первична для гондванского диалекта, послужившего основой для всех современных диалектов гонди и конда. Однако в большинстве диалектов гонди обычно представлены другие варианты, как правило, возводимые к прототипу $*[m]amaḥ$.

Ситуация, по-видимому, проясняется следующим образом. В прагонди, в отличие от большинства современных диалектов этого языка, оппозиция по инклюзивности / эксклюзивности еще не была утрачена. При этом эксклюзив имел вид $*am[m]-a$ (с тем же неясным суффиксом $-a$, что и местоимение 1-го л. ед. ч. $*an[n]-a$), и именно эта форма (с добавлением вторичного $m-$, перешедшего из косвенной основы) закрепилась в таких диалектах, как койя и мурия (*tamma*). В других же диалектах старые формы эксклюзива ($*(m)am(m)a$) и инклюзива ($*māḥ$) смешались, в результате чего появились «комбинированные» формы *ammaḥ*, *tammaḥ*. На то, что именно такая оппозиция по эксклюзивности / эксклюзивности была некогда характерна для прагонди, указывают и соответствующие глагольные показатели: ср. бет. гон. $-āḥ$, $-ōḥ$ (эксклюзив), $-aḥ$ (инклюзив) и т. п.

Остается определить лишь, в каких отношениях находятся между собой гонди-конда **māṭ* и пенго-куи-куви **āḍ*. Очевиден параллелизм между такими формами, как пен. *āp* (экскл.) / *ās* (инкл.) — кон. *mār* (экскл.) / *māṭ* (инкл.). Однако регулярного соответствия «гонди, конда -ṭ- — пенго-манда, куй-куви *-ḍ-», насколько известно, не существует. Мы, таким образом, имеем здесь дело либо с двумя различными морфемами, либо с нерегулярным соответствием, возможно, обусловленным какими-то морфонологическими чередованиями.

Выше — на материале исключительно куй-куви — уже была высказана гипотеза, что ПГ инклюзив мог иметь вид **[m]āḍ*- (прямая основа) и **[m]āḍ-t*- (косвенная основа). Прямая основа **[m]āḍ*- должна была бы отражаться как гонди **[m]ār*, конда **[m]ār*, однако эти формы нигде не засвидетельствованы (возможно, впрочем, что следы этой основы обнаруживаются в адб. гонди *marāṭ*). Что же касается косвенной основы **[m]āḍ-t*-, то она как раз должна была бы регулярным образом отразиться в виде гонди *māṭ*-, конда *māṭ*-; ср. рефлекс в этих языках все того же ПГ корня **nāḍ*- "деревня": гонди *nār* (косв. осн. *nāṭ*-), конда *nāri* (косв. осн. *nāṭ*-).

Суммируя полученные результаты, можно предположить следующую схему развития. ПГ местоимение 1-го л. мн. ч. инклюзива реконструируется как **āḍ*- с косвенной основой **āḍ-t*- (по именному типу **nāḍ*- — **nāḍ-t*-). Однако уже на ПГ уровне косвенная основа **āḍ-t*- была частично замещена косвенной основой **mā*-, позаимствованной у эксклюзивного местоимения. Получившаяся «троичная» система **āḍ*- / **āḍ-t*- / **mā*- отличалась явной нестабильностью и подверглась сокращению во всех языках-потомках, причем сокращение шло по одному из двух возможных сценариев:

а) полная элиминация старой основы **āḍ-t*-, функции которой целиком замещает форма **mā*-. Этот механизм налицо в пенго и куй, причем старая прямая основа **āḍ*- остается в этих языках с нетронутым (т. е. нулевым) анлаутом;

б) полная элиминация старой основы **āḍ*-, причем функции прямой основы берет на себя **āḍ-t*-, а функции косвенной целиком переходят «в ведение» формы **mā*-. Этот сценарий характерен для гонди, конда и куй; при этом во всех этих языках форма **āḍ-t*- модифицируется по аналогии с новой косвенной основой и принимает начальный *m*- (**māḍ-t*- > *māṭ*, *mār*-). Причины, по которым бывшая косвенная основа замещает прямую, ясны не до конца, но вполне вероятно, что ключ к этому нужно искать в таких «застывших»

падежных формах, как куви *māro* (бывший локатив — "у нас, на нашей стороне" — перешедший в номинативное употребление).

Данное объяснение, как нам представляется, довольно успешно объясняет все разнообразие инклюзивных форм, встречающихся в языках гондванской подгруппы. Альтернативные гипотезы — такие, как, например, отрицание родственной связи между формантами *-s/-j-*, *-r-* и *-t-* — неизменно влекут за собой признание всех этих различных вариантов самостоятельными инновациями, возникшими на совершенно неопределенной основе и по неясным причинам, в отличие, например, от вторичных форм личного местоимения 1-го л. в южно-дравидийских языках, имеющих полностью прозрачную структуру (присоединение именного показателя мн. ч. **-ka!* и т. п.).

3.5. Северно-дравидийские.

Кур. *nām* [*nam-*]; млт. *nām* [*nam-*].

Реконструкция однозначна: ПСД **nām*, косв. основа **nam-*.

3.6. Прадравидийская форма.

Промежуточные формы и реконструкции: ПЮД **nām* [**am-*]; тел. **nam-* (?) [**ntā-*]; ПКГ **nēnḍ* [**nēnḍ-?*]; ПГ **āḍ* [**āḍ-t- / *mā-*]; ПСД **nām* [**nam-*].

Очевидно, что в данном случае нам вряд ли удастся свести все представленные здесь промежуточные формы к единому ПД варианту; вопрос скорее заключается в том, сколько вариантов здесь реально представлено, и какой из них вероятнее считать первичным.

Однозначно можно утверждать о едином происхождении для юж.-др., сев.-др. и телугу вариантов. При этом если считать реконструкцию ПЮД **nām*, косв. осн. **am-*, сделанную нами на основании нильгирийских форм, верной, то именно ее следует рассматривать как первичную для этих трех подгрупп; вариант **nam-* (в телугу — **ntā-* < **nam-á-*), как и в юж.-др. языках, появился по аналогии с прямой основой.

Сложнее обстоит вопрос с центрально-дравидийскими формами. На первый взгляд ПКГ **nēnḍ* и ПГ **āḍ* не имеют ничего общего и представляют собой две самостоятельные инновации, противопоставляющие эти две группы более архаичному «конгломерату» из ПЮД, ПСД и телугу. Такая интерпретация, безусловно, имеет право на существование, но представляется маловероятной прежде всего в силу того, что категорически неясными остаются инновационные

механизмы, повлекшие за собой столь странную перестройку исходной системы в ПКГ и ПГ.

На самом деле формы **nēnd* и **ād* вполне могут иметь общее происхождение. Прежде всего обратим внимание на тот факт, что соответствие «ПКГ **d* — ПГ **d*» хорошо известно — во многих случаях ПГ **d* непосредственно отражает ПД **d*, хотя распределение между ПГ рефлексами **d* и **d̄* остается не вполне ясным. Ср. такие примеры, как ПД **kōd̄-* "рог" (там. *kōṭu*, etc.) — ПГ **kōd̄-* (мария гонди *kōru*, куи *kōju*) [DEDR 2200]; ПД **pad̄-* "получать; случаться" (там. *paṭu*, etc.) — ПГ **pad̄-* "мочь" (мария гонди *paṭ-*) [DEDR 3853] и т. п. (ср. также гондванские формы ПД **nād̄-* "деревня", цитируемые выше). Таким образом, ПГ **ād* может восходить к более раннему варианту **ād̄* (отметим, однако, что конечный ретрофлексный *-ṭ* в гонди и конда не может непосредственно отражать ранне-ПГ **-d̄*; для объяснения этих форм следует предполагать дополнительные развития, см. 3.4), что снимает основное противоречие между формами двух основных центральнодравидийских подгрупп.

Вряд ли подлежит сомнению, что ауслатный **-d̄* в этих формах этимологически тождественен соответствующему глагольному показателю инклюзива, зафиксированному в гондванских языках (гонди *-aṭ*, *-aṛ*; кон. *-aṭ*; пен. *-as*; куи *-asu*). Если это так, то центральнодравидийские формы можно расчленить морфологически на **nēn-d̄* (для ПКГ) и **ā-d̄* (< **ā-d̄*) для ПГ. Морфема **nēn-* обладает явным сходством с реконструированным выше местоимением 1-го л. ед. ч.; однако более вероятно, что **-n-* в этой форме восходит к **-m-*, т. е. **nēn-d̄* < **nēm-d̄*, **ā-d̄* < **ām-d̄*; в противном случае неясным оставалось бы развитие **ānd̄* > **ād̄* в ПГ.

Таким образом, ПГ форма без особых возражений может быть возведена к сочетанию *эксклюзивного* местоимения **ām* (< **nyām*) с глагольным показателем инклюзивности **-d̄*. Тот же показатель оказывается представлен и в ПКГ.

Проблематичнее выглядит ситуация с морфемой **nēt-*. Выше мы уже реконструировали ПКГ местоимения как **ān*, **ām*, из чего, казалось бы, логично следует, что ПД **nyān* > ПКГ **ān*, ПД **nyām* > ПКГ **ām*, т. е. ПД **ny-* > ПКГ $\emptyset$ -. В этом случае ПКГ **nēt-* не может отражать ПД **nyām*. Однако невозможен и вариант, согласно которому ПКГ **nēt* < ПД **nām* (см. 3.3 относительно причин, по которым найкри *nēt* не может иметь то же происхождение, что и там. *nām*).

Ключевым моментом здесь, по-видимому, является вокализм в формах колами/найкри. Судя по имеющимся данным, ПКГ **-ē-* (**-e-*) может соответствовать юж.-др. формам с **-ā-* (**-a-*) только в тех случаях, где этот гласный взаимодействует со старыми палатальными сонантами — **ñ-* и **y-*. При этом, поскольку уже было упомянуто, что **nēt-* никак не может восходить к **ñēt-*, единственным приемлемым для нас вариантом является возведение формы **nēt-* к промежуточному варианту **nyēt-* или **nyāt-*, т. е. опять-таки к старой ПД форме эксклюзивного местоимения. Таким образом, ПКГ **nēnd̪* < ранне-ПКГ **nyāt-d̪*, т. е. имеет то же происхождение, что ПГ **ād̪*.

Итак, подавляющее большинство форм инклюзива, зафиксированных в дравидийских языках, удастся свести к двум прототипам: а) **nām-* [**am-*], закрепившемся в юж.-др., сев.-др. и телугу; б) **nyāt-d̪*, представленном в центральнодравидийских подгруппах.

Полученные таким образом реконструкции, как представляется, автоматически снимают вопрос о первичности той или иной основы. В самом деле, форма **nyāt-d̪* явно производна от основы эксклюзива, в то время как для формы **nām/*am-*, несмотря на ее явное сегментное сходство с остальными местоименными формами, невозможно подобрать внутридравидийскую этимологию. В силу именно этих обстоятельств (но, заметим, вовсе не того, что именно форма *nām* представлена в основных литературных дравидийских языках) мы будем считать инклюзив **nyāt-d̪* центральнодравидийской инновацией, хотя, впрочем, не исключено и то, что она в качестве особого варианта могла сосуществовать наряду с **nām* уже в каких-то диалектах собственно ПД.

Вопрос, однако, нельзя считать закрытым до тех пор, пока не будет объяснен характер соответствующей инновации. Выше мы уже указывали на то, что окончания инклюзивных местоимений в гондванских языках в целом совпадают с глагольными показателями инклюзива в этих языках, т. е. форму **nyāt-d̪* можно объяснить как сочетание эксклюзива **nyāt* с инклюзивным глагольным показателем. Сами эти глагольные показатели обычно рассматриваются как инновация (см., напр., [Андронов 1994: 266]). Однако стоит обратить внимание на тот факт, что если ареал распространения местоименной формы **nyāt-d̪* строго ограничен центральнодравидийским ареалом, то глагольный показатель **-d̪* (**-t̪*) распространен шире. В частности, он представлен в северно-дравидийских языках — ср., напр., кур. *-at̪*, возможно, также млт. диал. *-et̪*, *-it̪* (в малто конечный

согласный дентальный, а не ретрофлексный, но не исключено, что дело здесь в нерегулярном развитии внутри частотной морфемы).

Столь явная изоглосса между гондванскими и северодравидийскими языками не может быть объяснена иначе как элемент, унаследованный от общедравидийского состояния; совместные гондванокурух-малто инновации — явление неслыханное, а предположение, что в этих двух группах ретрофлексный показатель инклюзивности появился независимо (откуда?), крайне маловероятно. Гораздо более приемлемой была бы гипотеза, согласно которой морфема **-ḍ* реально присутствовала на ПД уровне в глагольной функции, после чего в центральнодравидийских языках она была перенесена также на местоименные формы инклюзива, а в южнодравидийской подгруппе была, напротив, вытеснена местоименными показателями.

Теперь мы, наконец, можем подытожить полученные нами реконструкции в следующей таблице, наглядно демонстрирующей соотношение в дравидийских подгруппах форм эксклюзива и инклюзива.

	ПД	ПЮД	Телугу	ПКГ	ПГ	ПСД
Экскл. (прям. осн.)	<i>*nyāt</i>	<i>*nyāt</i>	<i>*nyēt</i>	<i>*ām</i> < <i>*nēt</i>	<i>*ām</i>	<i>*ēt</i>
				[аналогия с косв. основой]	< <i>*nyāt</i>	< <i>*nyāt</i>
Экскл. (косв. осн.)	<i>*yēt-</i> (<i>*yat-?</i>)	<i>*et-</i>	<i>*tā-</i> < <i>*yēt-ṽ-</i>	<i>*at-</i>	<i>*tā-</i> < <i>*yēt-ṽ-</i>	<i>*et-</i> < <i>*yēt-</i>
Инкл. (прям. осн.)	<i>*nāt</i>	<i>*nāt</i>	<i>*nat-</i> (?)	[нет]	[нет]	<i>*nāt</i>
Инкл. (косв. осн.)	<i>*at-</i>	<i>*at-</i>	<i>*nta-</i> < <i>*nat-ṽ-</i> < <i>*at-ṽ-</i> [аналогия с прямой основой]	[нет]	[нет]	<i>*nat-</i> < <i>*at-</i> [аналогия с прямой основой]
«Новый» инкл.	[<i>*nyāt-ḍ</i>]	[нет]	[нет]	<i>*nēnḍ</i> < <i>*nēt-ḍ</i> < <i>*nyāt-ḍ</i>	<i>*āḍ</i> < <i>*āḍ</i> < <i>*nyāt-ḍ</i>	[нет, но ср. глагольный показатель инкл. <i>*-Vḥ</i>]

При такой реконструкции видно, что реальное противопоставление между прямой и косвенной основой в ПД выражалось не

столько оппозицией по долготе/краткости гласного (очевидно, вторичной), сколько через наличие/отсутствие в местоимении 1-го л. начального носового *n- (ср. также реконструированные выше формы ед. ч. *nyān, *yeṇ-). Основным фактором, повлекшим за собой различные перестройки системы, нужно считать тенденцию к устранению неудобопроизносимого кластера *ny-. При этом в тех случаях, когда *ny- > *n-, формы эксклюзива, естественно, начинали смешиваться с формами инклюзива, в результате чего последние либо вообще выходили из строя, либо заменялись новообразованиями; там же, где *ny- > *y- или * $\emptyset$ -, начальный *n- переставал восприниматься как показатель прямой основы, что, в свою очередь, влекло за собой взаимовлияние прямой и косвенной основ.

4. Личное местоимение 2-го л. ед. ч.

4.1. Южно-дравидийские.

Класс. там. *nī* [*nīṅ*-/*uṅ*-]; разг. там. *nī* [*oṅ*-]; мал. *nī* [*nin*-]; кас. *nīnī* [*nin*-/*nī*-]; курру *nī(nu)* [*nī*-]; кота *nī* [*nin*-/*nī*-/*di*-]; тода *nī* [*nin*-]; код. *nī(nī)* [*nin*-, *nī*-]; класс. кан. *nīn* [*nin*-]; тулу *ī* [*nin*-].

Несмотря на то, что рефлексация аналутного согласного здесь существенным образом отличается от местоимения 1-го л. ед. ч., мы все же вынуждены и для этой формы восстанавливать исходный кластер *ny-. Только таким образом можно объяснить нулевой анлаут в тулу (*ī*), где простой начальный *n*- регулярно удерживается; по-видимому, в этом языке *nyī- > *yī- > *ī*- (ср. в местоимении 1-го лица *nyā- > *yā-). Напротив, в остальных юж.-др. языках упростился второй элемент кластера: *nyī*- > *nī*-. (То, что в таких языках, как классический тамильский и др., *nyā- > *yā*-, но *nyī- > *nī*-, можно интерпретировать как слияние глайда *-y*- с фонетически близким ему гласным *-i*-).

Проблемной является и ауслаутная позиция. В юж.-др. языках не существует ни регулярного механизма опущения конечного *n-, ни механизма наращения соответствующего сонанта. Если предполагать в качестве исходной форму *nyīn, мы вынуждены будем допустить нерегулярное развитие *nyīn > *nī* в таких языках, как тамильский; при этом единственным фактором, так или иначе объясняющим это развитие, будет сандхиобразное «глотание» конечного сонанта вследствие частой употребительности местоимения. Однако в таком случае непонятно, почему такого же выпадения не наблюдается в местоиме-

нии 1-го лица (т. е. непонятно отсутствие форм типа *uā*, *nā* при наличии форм типа *nī*).

Более оправданным, на наш взгляд, будет возведение вариантов типа *nīn(u)* к первоначальному **nī* с последующим выравниванием по аналогии. При этом источником аналогии могли выступать как косвенная основа данного местоимения, имеющая несомненный ауслаутный *-n-*, так и местоимение 1-го л. **nuān*. Отметим, что внутри юж.-др. подгруппы форма *nīn* (и ее варианты) на самом деле встречается крайне редко — она практически ограничена языками каннада и касабха, а также отмечена в качестве свободного варианта еще в нескольких диалектах.

Таким образом, ПЮД прямую основу мы будем реконструировать в виде **nuī*. Что касается косвенной основы, то здесь, казалось бы, проблем гораздо меньше, т. к. почти все языки и диалекты согласованно указывают на праформу **nīn-* (с окказиональным вариантом **nī-* в зависимости от конкретного падежного окончания). Такая реконструкция, однако, не принимает во внимание одной исключительно важной формы — совр. лит. там. *ni-*, разг. там. *ni-*.

Никакого убедительного объяснения причин, по которым в этой форме мы видим лабиальный гласный, на настоящий момент не существует. М. С. Андронов предполагает, что *-i-* появляется в форме *ni-* по аналогии с соответствующей формой косв. основы местоимения 2-го л. мн. ч. *nit-*, где, в свою очередь, *-i-* < **-i-* под влиянием последующего губного сонанта (данная гипотеза высказана еще Ж. Блоком [Bloch 1954: 32]). Однако примеров, подтверждавших бы наличие в тамильском такого рода развития, крайне мало — в подавляющем большинстве случаев ПЮД **-i-* надежно сохраняется перед любыми лабиальными согласными, ср. там. *timir* "расти" и т. п. Очень редко, правда, встречаются, по-видимому, диалектные чередования типа *timir / tuvar* "мазать". Но здесь важно учесть еще тот факт, что формы с *-i-* являются не просто редкими диалектизмами, а основным вариантом косв. основы личных местоимений 2-го л. ед. и мн. ч. — и это при том, что, как казалось бы, тенденция к аналогическому выравниванию должна была бы предотвратить столь нелогичное «искривление» исходной парадигмы **nī(n)/*nīn-*, **nīm/*nīm-*. И даже если гипотезу Ж. Блока с определенными натяжками можно принять для форм мн. ч., распространение гласного *-i-* на формы ед. ч. выглядит абсолютно немотивированным.

Выход, на наш взгляд, один — считать тамильскую форму *ип-* первичной и восстанавливать ПЮД косв. основу местоимения 2-го л. ед. ч. в виде **ип-*. Получаемая в результате асимметричная парадигма **пυī / *ип-*, разумеется, подверглась в языках-потомках многочисленным аналогическим выравниваниям, причем развитие шло, как правило, по одному и тому же предсказуемому сценарию: **ип-* > **пип-*. Безусловно, сомнительным может выглядеть сохранение исходного варианта — пусть даже и асимметричного — лишь в одном тамильском языке (к тому же неклассическом). Однако, как мы увидим ниже, лабиальный элемент в местоимениях 2-го л. обнаруживается и за пределами южно-дравидийских языков, так что в данном случае современный язык опять-таки вполне может сохранять более архаичный вариант.

4.2. Телугу.

Класс. телугу *пīви, īви*, разг. *пивви* [*пī-, пип-*].

Определенные затруднения вызывает появление в формах телугу ауслаутного *-v(u)*. И в этом случае, насколько нам известно, никакого адекватного решения на настоящий момент не предложено. Так, Бх. Кришнамурти ограничивается простой констатацией «факта», что «pre-Telugu *пīви* suffered a replacement of the final syllable *-ви* by *-wи*» [Krishnamurti 1968: 91], без какой-либо попытки объяснения, чем же вызвана эта замена.

Согласно М. С. Андронову, форма *пīви* восходит к **пīт* и представляет собой вторичную модификацию бывшей формы 2-го л. мн. ч., заместившей старую форму ед. ч. [Андронов 1994: 185]. Эта гипотеза, безусловно, правомочна, особенно если принять во внимание, что такая замена, связанная, по всей вероятности, с употреблением формы "вы" как вежливого обращения к собеседнику в ед. ч., несомненно имела место, например, в гонди (где *иттā* "ты" < **пυīt*, см. ниже). Однако она упирается в препятствие фонетического характера, а именно, в возможность развития **-т* > **-v(u)* в телугу именно в таком контексте. Неясно, в частности, почему в таком случае аналогичные переходы ни разу не зафиксированы для местоименных форм 1-го л. (напр., **ēви* вм. *ēти*, **пēви* вместо *пēти*), или для форм мн. ч. возвратного местоимения **tām* (тел. *tāти*, но ни в коем случае не **tāvи*). Само по себе чередование *-v/-т-* в телугу время от времени встречается, однако сомнение вызывает уже тот факт, что форма **пīт* в этом языке не засвидетельствована ни разу за всю историю его

развития, в то время как в подавляющем большинстве случаев, где в телугу $-v$ < $*-m$ -, документально зафиксированы оба варианта (ср. *ditṭi*, *diṭṭa* "пыль", etc.).

Таким образом, внутренние данные телугу не дают нам оснований признавать ауслаутный $*-v(u)$ вторичным, и на уровне прателугу мы предпочтем реконструировать форму типа $*nuṭv$ (начальный кластер $*nu$ -, как и в случае с местоимением 1-го л., восстанавливается на основании диалектного варьирования n - ~ $\emptyset$ -). Что касается косвенной основы, то здесь $nī$ - < $*in-í$ - с редукцией начального гласного (ср. преобладание косв. основ типа *in*-, *nin*-, *in*- в других языках).

4.3. Колами-гадаба.

Кол. *nīv* [*in*-]; нкр. *nīv*; нк. *īv*, *nīv* [*in*-]; пар. *īn* [*in*-]; ол. *īn* [*in*-]; сал. *īn* [*inn*-].

В этой подгруппе довольно четкий контраст наблюдается между, с одной стороны, формами колами и найки, в которых налицо тот же ауслаутный элемент $-v$, что и в телугу, и, с другой, формами парджи и гадаба, легко сводимыми к прототипу $*in$, косв. $*in$ -.

По мнению Бх. Кришнамурти, формы в колами и найки следует считать заимствованиями из телугу; такое предположение косвенно подтверждается тем, что в этих языках действительно имеется значительный пласт лексики, проникшей в них из телугу или же «телугизированной» под влиянием последнего (ср., например, такие формы, как кол. *ayd* "пять", *ār* "шесть" < тел. *ayidu*, *āru* < ПД $*say$ -, $*sād$ -; в случае исконности этих форм в колами начальный s - должен был бы сохраниться). Проблема, однако, в том, что если дравидийские числительные в колами (но, кстати говоря, не в найки, где налицо исконные формы *sēndi*, *sādi*) изменяются под влиянием телугу систематически, то внутри системы личных — равно как и любых других — местоимений «заимствование» *nīv* представляет собой уникальный случай. Ожидалось бы, что и другие местоименные формы будут модифицированы по аналогии с телугу, однако ср. тел. *ēni* — кол. *ān*, тел. *ēti* — кол. *āt*, тел. *mīru*, *īru* — кол. *nīr* и т. п.

Реально гипотеза о заимствовании формы *nīv* из телугу была бы оправдана, если бы удалось убедительно доказать, что телугу *nīv* < $*nīn$, т. е. представляет собой специфическую инновацию в этом языке (впрочем, и в этом случае можно было бы говорить об «ареальной» инновации, затрагивающей телугу, колами и найки). Однако, как показано выше, убедительных доводов в пользу такого развития

не существует. Если же форма *nīv* на самом деле — как мы постараемся показать ниже — представляет собой архаизм, вполне логично предполагать, что и в колами/найки она не является заимствованной.

Напротив, в парджи и гадаба старый вариант **nīv* был вытеснен новообразованием по аналогии с косв. основой, которая по согласованным данным всех КГ языков реконструируется в виде **in-*.

4.4. Гондванские.

Гонди: бет. *imtā*, чан. *ita*, гомму, койя *nim(m)a*, адил. *nimme*, мар. *nita* (косв. основа везде *nī-*). Кон. *nīn* [*nī-*]; пен. *ēn*, *ēneŋ* [*nī*, *nīŋg-*]; ман. *īn*; куи *īni* [*nī-*]; куи (диал. куттия) *nīni* [*nī-*]; куви *nīni* [*nī-*].

Если исключить из рассмотрения формы гонди (иналаутный *-m-* в этих формах очевидно указывает на то, что они представляют собой бывшие формы мн. ч., вытеснившие из употребления формы ед. ч.), то материал всех прочих языков и диалектов полностью параллелен соответствующим формам местоимения 1-го л. ед. ч., с той лишь разницей, что гласный основы *-ā-* заменяется на *-ī-*. Это, разумеется, наводит на мысль о том, что в гондванских языках могли иметь место позднейшие выравнивания по аналогии с парадигмой местоимения 1-го л. Однако на собственно прагондванском уровне реконструироваться будет все же подсистема, полностью аналогичная предыдущей: прямая основа **īn*, косв. **nī-* (с последующим выравниванием **īn > nīn(i)* в ряде диалектов).

4.5. Северно-дравидийские.

Кур. *nīn* [*nīŋg-*]; млт. *nīn* [*nīŋg-*].

Реконструкция однозначна: ПСД **nīn*, косв. основа **nīŋ-*.

4.6. Прадравидийская форма.

Промежуточные формы и реконструкции: ПЮД **nyī* [**in-*]; тел. **nyū* [**nī-*]; ПКГ **nīv* [*in-*]; ПГ **īn* [**nī-*]; ПСД **nīn* [**nīŋ-*]; бра. *nī* [*nē*, *n-*].

Для удобства рассмотрим сегментную структуру данного местоимения поэлементно.

а) Аналаут. Здесь, на основании промежуточных реконструкций в ПЮД и телугу, уместно было бы восстанавливать начальный кластер **ny-*. В ПГ он, как и в случае с местоимением 1-го л., дает нулевой рефлекс; в ПКГ и ПСД, однако, налицо развитие **ny- > *n-*. Это, вероятно, должно объясняться теми же причинами, что и соответствующее развитие в ряде юж.-др. языков (см. 4.1): глайд *-y-* плохо

удерживается в позиции перед гласным *-i-* и имеет тенденцию сливаться с ним, в то время как в позиции перед *-a-* он имеет больше шансов на сохранение. Таким образом, в результате того, что **nuā- > *ⁿuā- > uā-*, а **nūi- > *ⁿūi- > *nī-*, и возникает позднейшее противопоставление *uā-n / nī*, столь характерное для тамильского и многих других языков.

б) Гласный. Здесь абсолютно все языки согласованно указывают на долгий **ī*; см., однако, ниже.

в) Ауслат. Выше уже была высказана гипотеза, согласно которой ауслатный *-n* в юж.-др. языках развился по аналогии либо с местоимением 1-го лица ед. ч., либо с косв. основой местоимения 2-го л. (в противном случае невозможно объяснить формы с конечным гласным). Рассуждая логически, действие этой аналогии, совершенно естественной с точки зрения общей системы, можно распространить и на все прочие подгруппы, в которых наблюдается конечный *-n*, т. е. ПГ и ПСД. Это оставляет нас с двумя вариантами ауслата — нулевым (ПЮД, брауи) и **-v* (телуту, ПКГ).

Надо отметить, что для нас довольно-таки затруднительно остановиться на каком-либо одном из них как на первичном. В ПД, безусловно, существовали именные основы как на конечный долгий гласный (в том числе **-ī*), так и на конечный **-v* с предшествующим долгим гласным. Различие между этими двумя типами можно легко продемонстрировать на примере, скажем, ПД основы **rī* "экскременты" (> там. *rī*, мал. *rī*, ката *rī*, кан. *rī*, тулу *rī*, тел. *rīyī*, *rīyūyī*, etc.; DEDR 4210) и **kīv* "гной" (> там. *cī*, мал. *cī*, но ката *kiv*, кан. *kīvi*, тулу *kīvi*, тел. *cīti*, etc.; DEDR 1606). Видно, однако, что правила распределения рефлексов между этими двумя основами не могут быть применены к текущему случаю. Объяснению конечного **-v* в телуту и ПКГ как эпентетического согласного противоречит то, что в качестве такой «эпентезы» в телуту должен был бы выступать *-y-*; если же считать, что исходной праформой было **nyīv*, то неясно, почему конечный **-v* выпал в таких языках, как ката и тулу.

Как нам представляется, выход из этой ситуации подсказывается прежде всего формами косвенной основы. Наиболее архаичным вариантом здесь — в силу того, что его невозможно объяснить как результат вторичного развития — является тамильская форма *in-*. Вариант *in-* (ПКГ) мог появиться позднее по аналогии с прямой основой; однако если считать, что согласный *-y-* присутствовал и в косвенной основе, уместно было бы возводить все промежуточные варианты

к единому ПД *YUN-. Если так, то *уип- > ПЮД *ип-, но > ПКГ, ПГ, ПСД *ип- со всеми последующими изменениями (редукция в ПГ, появление начального *и- в ПСД по аналогии с прямой основой и т. п.).

Реконструкция косв. основы в виде *уип-, в свою очередь, дает нам право предложить для прямой основы ПД вариант *NYŪ. Именно такая форма, с одной стороны, объясняет конечный -v в телугу и ПКГ (*нуй > *нуив > нів), с другой, конечный нулевой рефлекс в прочих подгруппах (*нуй > *нй, возможно, через промежуточный вариант типа *нуй̄, *нй̄). Действительно, наличие «эпентетического» *-v свойственно именно ПД основам на *-й̄; ср., напр., ПД *рй̄ "цветок" > там. рй̄, ката рй̄, тулу рй̄, тел. рй̄, рй̄ви, кол. рив (DEDR 4345). Что же до i-образного тембра гласного, то он появляется в современных формах главным образом благодаря ассимилятивному воздействию предшествующего *-у-.

5. Личное местоимение 2-го л. мн. ч.

5.1. Южно-дравидийские.

Класс. там. *nīm, nīyir, nīvir, nīr* [им-, нит-]; совр. там. *nīṅka!* [uṅka!-, niṅka!-]; мал. *nīṅga!* [niṅga!-]; кас. *nīmi* [nim-]; курру *nīṅga(!)*; ката *nīm* [nim-]; тода *nīm* [nim-]; кан. *nīm* [nim-]; диал. кан. *nīṅga*; код. *nīṅga* [niṅga-]; тулу *nikuḷu, niṅkḷu, īru, nīru*.

Как и в случае с местоимениями 1-го л. мн. ч., налицо довольно большое количество различных вариантов. Однако если в случае 1-го л. мн. ч. такое разнообразие объяснялось прежде всего стиранием старых фонетических различий между инклюзивом и эксклюзивом (и, соответственно, необходимостью «восстанавливать» это противопоставление в том или ином виде), то здесь, очевидно, следует искать другие причины. Одной из таких причин могло стать частое употребление старой формы мн. ч. как специальной формы вежливого обращения к собеседнику — крайним случаем такого употребления, как мы уже видели, являлось полное вытеснение старого варианта местоимения ед. ч. формой мн. ч., в частности, в большинстве диалектов гонди (см. 4.4). В таких случаях возникала необходимость вторичного разграничения формы множественного числа как «формы вежливости» и как собственно множественного числа. Основным средством такого разграничения, что вполне естественно, служили продуктивные именные суффиксы множественного числа.

Практически все основные варианты рассматриваемого местоимения представлены в классическом и современном тамильском. Это а) *nīm*; б) *nīyir*, *nīr* < *nī-* + *-ir-*; в) *nīvīr* < *nīv* + *-ir-*; г) *nīṅkaḷ* < *nīm* + *-kaḷ*. Традиционно первичной считается форма *nīm*; согласно М. С. Андронову, от нее с помощью суффикса мн. ч. *-ir* вторично образована форма **nīm-ir*, которая в тамильском дала *nīv-ir* в результате действия чередования *-m/-v-*, а впоследствии была реинтерпретирована как *nīv-ir* (где *-v-* воспринимается как эвфонический элемент) и по законам тамильской грамматики перешла в *nī-y-ir* > *nīr*.

Принятию данной гипотезы, тем не менее, препятствует одно важное обстоятельство. Дело в том, что формы типа *nīr*, *īr* (и даже *mīr*, см. ниже) действительно обнаруживаются в большом количестве дравидийских языков и диалектов, как внутри южно-дравидийской подгруппы, так и за ее пределами. Однако «промежуточная» форма **nīmīr* не встречается ни в одном диалекте, и это наводит на мысль о том, что она на самом деле никогда не существовала. Особенно подозрительно отсутствие ее в тамильском, где, например, для фонетически схожей формы *tām* "сами (они)" есть производная основа *tamar* (не *tavar!*) "родственники, друзья", часто встречающаяся и в других языках (кан. *tamar*, тел. *tamaru*).

Если же, напротив, считать более архаичным вариантом не гипотетическую форму **nīmīr*, а реально зафиксированную основу *nīvīr*, то это будет идеально согласовываться с предложенной выше реконструкцией местоимения 2-го л. ед. ч. **nyū* > ПЮД **nyū*. Суффикс мн. ч., таким образом, присоединяется не к основе мн. ч. *nīm*, а к основе ед. ч.: ранне-ПЮД **nyū* + *-ir* > **nū-ir* > **nū-v-ir* / **nū-y-ir* > *nīvīr*, *nīyir*, *nīr*.

Наконец, последний вариант — там. *nīṅkaḷ*, код. *niṅga* и т. п. — образован уже от основы мн. ч. с присоединением продуктивного суффикса мн. ч. *-kaḷ*. Эти формы не имеют никаких параллелей за пределами южнодравидийской группы и хронологически представляют собой позднейшие новообразования, возникшие независимо друг от друга в языках-потомках или являющиеся ареальной инновацией; последнее более вероятно, особенно если учесть, что во всех языках, где зафиксированы подобные формы, такие же вторичные образования на **-kaḷ* обнаруживаются и для местоимения 1-го л. мн. ч. (см. 2.1).

Что же касается форм **nyūt* (> там. *nīt*, кас. *nīti*, ката *nīt*, тода *nīt*, кан. *nīt*; краткий гласный в тода — по аналогии с косв. основой; начальный **ny-* восстанавливается лишь исходя из соображений

системности, т. к. в тулу эта форма отсутствует) и **nyū[v]ir* (> там. *nīvīr*, *nīyīr*, *nīr*, тулу *īru*, *nīru*), то наличие их обеих следует предполагать уже на ПЮД уровне. Несмотря на то, что вторая из них зафиксирована только в тамильском и тулу, она имеет многочисленные внешние параллели; к тому же грамматический способ, примененный для ее образования (присоединение местоименного по природе суффикса **-Vr*), намного более архаичен, чем соответствующий способ образования форм типа *nīṅkaḷ*.

Косвенная основа данного местоимения, при условии принятия гипотезы о первичности гласного *-u-* (относительно мотивации см. 4.1), восстанавливается в виде **im-*; развитие **im-* > *nīm-* в большинстве диалектов легко объясняется через выравнивание по аналогии с прямой основой.

5.2. Телугу.

Класс. тел. *īru*, *mīru* [*mī-*, *mīm-*]; кам. тел. *mīru*.

При выборе между двумя основными формами, представленными в телугу, мы безоговорочно останавливаемся на варианте *īru* как первичном. Теоретически можно было бы предположить, что *mīru* < **nīm-ir-u* с редукцией первого слога, однако если учесть, что речь здесь идет о прямой (полноударной) основе, то никаких оснований для редукции быть не может. Следовательно, единственно правильным решением будет считать, что *mīru* < **īru*, а причиной для этого явилось выравнивание по косв. основе **mī-* < **n(y)im-i-*.

Несколько странным выглядит тот факт, что в класс. телугу не зафиксирован вариант **nīru* (ср. формы ед. ч. — *īv*, *nīv*). По-видимому, это связано с тем, что именно в тех диалектах, где ПД **nyī-* > *nī-*, форма *nīru* очень быстро была замещена формой *mīru* в целях унификации парадигмы; напротив, там, где ПД **nyī-* > *ī-*, такое замещение протекало гораздо медленнее или вовсе не имело места (что вполне естественно, так как вероятность аналогического замещения одного носового сонанта другим по определению выше, чем замещение носовым сонантом нулевого анлаута).

Для прателугу, таким образом, восстанавливается парадигма **nyīr*, косв. осн. **mī-*.

5.3. Колами-гадаба.

Кол. *nīr* [*im-*]; нкр. *nīr*; нк. *īm* [*im-*]; пар. *īm* [*im-*]; олл. *īm* [*im-*]; сал. *īm* [*imm-*].

В этой подгруппе ситуация та же, что и в случае с соответствующими формами ед. ч. Для форм колами и найкри Бх. Кришнамурти [Krishnamurti 1968: 96] опять-таки предполагает заимствование из телугу (на сей раз, впрочем, из «доклассического» телугу, т. к., как уже упоминалось выше, форма *nīr* в телугу документально не зафиксирована), однако ничуть не менее вероятной выглядит и возможность сохранения старого ареального варианта **nīr* (< **nyūvir*) — под влиянием телугу. Напротив, прочие языки данной подгруппы, не вступавшие с телугу в столь же плотный контакт, как колами, сохранили только вариант **nīm* (вторично модифицировав его под влиянием косв. основы). Для ПКГ, таким образом, восстанавливаются два «конфликтующих» варианта — **nīr* и **[n]īm*, с единой для обоих косв. основой **īm-*.

5.4. Гондванские.

Гонди: бет. *imtaṭ*, мнд. *immāṭ*, еот. *imeṭ*, сео. *nimeṭ*, мур. *nimaṭ*, мар. *mīṭ*, адил. *mīrāṭ*, койя *mīr* (косв. основа везде *mī-*). Кон. *mīr(u)*, диал. *nīm* [*mī-*]; пен. *ēr*, *ēpeṇ* [*mī*, *mīṅ-*]; ман. *īm*; куи *īru* [*mī-*]; куи (диал. куттия) *mīru* [*mī-*]; куви *mīmbu*, диал. *mīru* [*mī-*].

Наиболее значительные инновации в этой подгруппе произошли в диалектах гонди. Как уже говорилось выше (см. 4.4), в этом языке старая форма 2-го л. мн. ч. полностью вытеснила бывшие формы единственного числа. Впоследствии реконструкция системы была завершена образованием новых форм 2-го л. мн. ч. через реинтерпретацию старого показателя инклюзивности *-aṭ* как специального местоименного показателя множественного числа, т. е. формы типа *imtaṭ*, *nimeṭ* и т. п. были образованы по аналогии с *amtaṭ*, *tamoṭ* и т. п. (см. 2.4). В верности этой гипотезы сомневаться не приходится, т. к. формы *imtaṭ*, *nimeṭ* не имеют абсолютно никаких параллелей за пределами гонди и легко объясняются как вторичные. Более того, оказывается, что этот этап перестройки системы затронул даже не все без исключения диалекты гонди — ср. архаичный вариант *mīr* в койя, а также альтернативный вариант *mīrāṭ* в адилабадском диалекте.

За пределами гонди мы обнаруживаем все те же два конкурирующих варианта; для ПГ их, по-видимому, необходимо реконструировать как **īr* и **īm*, причем в конда, куттия куи и куви они (как и в телугу) оказались вторично выравненными по аналогии с ПГ косв. основой **mī-*. В пенго налицо такой же конечный взрывной *-p*, как и в

местоимении 1-го л. мн. ч. *āp*; возможно, что и здесь дело в аналогическом выравнивании парадигмы.

5.5. Северно-дравидийские.

Кур. *nīm* [*nim*-]; млт. *nīm* [*nim*-].

Реконструкция однозначна: ПСД **nīm*, косв. основа **nim-*.

5.6. Прадравидийская форма.

Промежуточные формы и реконструкции: ПЮД **nyīm ~ *nyū[v]ir* [**im-*]; тел. **nyīr* [**mī-*]; ПКГ **nīr ~ *[n]īm* [*im-*]; ПГ **īr ~ *īm* [**mī-*]; ПСД **nīm* [**nim-*]; бра. *nim* [*nim-*].

Очевидно, что ПД форма, будучи связана по происхождению с соответствующей формой ед. ч., разделяла с ней ряд фонетических особенностей, а именно:

а) в анлауте прямой основы мы будем реконструировать кластер **ny-*, на основании тех же соответствий, что и в 4.6;

б) косвенная основа будет восстанавливаться в виде **YUM-*, причем в данном случае, помимо тамильских данных, в качестве аргумента можно привлечь и форму брауи *nim-*. Сохранению лабиальной артикуляции гласного здесь, скорее всего, способствовало его соседство с губным сонантом *-m*;

в) из соображений системности уместно восстанавливать долгий гласный **-ī-* и в прямой основе, хотя единственным формальным «реликтом» лабиальности этого гласного остается инлаутный *-v-* в тамильской форме *nīvir*. Во всех остальных языках имело место стяжение **-yivī- > *-ī-*, так что ни в телугу, ни в ПКГ никаких следов губной артикуляции (в отличие от форм ед. ч.) не осталось.

Наиболее проблематичной на ПД этапе остается проблема определения «первичного» варианта — **NYŪM* или **NYŪVIR*. Большинство исследователей однозначно признают первичными формы с конечным **-m*, а формы на **-r* считают ареальной инновацией (так, например, у Кришнамурти). Довольно, однако, странно рассматривать как «ареальную инновацию» явление, зафиксированное абсолютно во всех дравидийских подгруппах, кроме северной; о независимом же образовании форм типа *nīvir*, *nīr*, *mīr* в различных языках не может быть и речи, т. к. словообразовательная модель «личное местоимение + суффикс **-Vr*» слишком нетривиальна, чтобы разные группы могли развить ее без тесных контактов друг с другом.

Приходится, по-видимому, признать, что на данном этапе, не выходя за пределы ПД, мы не имеем права говорить о первичности того или иного варианта и должны восстанавливать для ПД состояния как тот, так и другой. Не исключено, что они находились в состоянии свободного варьирования; более вероятно, однако, что они были изначально распределены по диалектам ПД, т. к., насколько нам известно, в современных языках и диалектах свободное варьирование такого рода практически не наблюдается. Что же касается «ранне-ПД» состояния, предшествующего диалектно раздробленному ПД языку, то здесь возможны две гипотезы: а) традиционно ориентированная, согласно которой первичной формой является **nyūt*, а **nyūvir* вторично образовано от формы ед. ч. **nyū*; б) обратная ей, т. е. первичной формой можно считать, напротив, **nyūvir*, а форму **nyūt* объяснять как вторичное выравнивание по аналогии с местоимением 1-го л. мн. ч. **nyāt*.

6. Итоги.

6.1. Суммируем наши результаты по реконструкции ПД личных местоимений в следующей таблице:

	1sg	1pl excl	1 pl incl	2sg	2pl
Пр. осн.	<i>*nyān</i>	<i>*nyām</i>	<i>*nām</i>	<i>*nyū</i>	<i>*nyūm ~ *nyūvir</i>
Косв. осн.	<i>*(y)en-</i>	<i>*(y)em-</i>	<i>*am</i>	<i>*yun-</i>	<i>*yum-</i>

Основные отличия ее от «традиционной» реконструкции (под «традиционной» в данном случае подразумевается тот общий знаменатель, который объединяет работы таких исследователей, как Т. Бэрроу, Бх. Кришнамурти, М. С. Андропова и др., хотя между ними обнаруживаются и некоторые расхождения) сводятся к следующим:

а) реконструкция в анлауте всех прямых основ, кроме основы инклюзива, сочетания согласных *ny-*, отличного по своей природе как от палатальных **ñ-*, **y-*, так и от непалатального (альвеолярного) **n-*;

б) реконструкция для косв. основы инклюзива формы с нулевым анлаутом вместо традиционного **nam-*;

в) реконструкция лабиального **-u-/*-ū-* (в противовес традиционному **-i-/*-ī-*) как первичного гласного основы во всех формах местоимений 2-го л.;

г) закрепление за формой **nyūvir* (в trad. реконструкции — **nīvir*) статуса равнозначимого варианта формы **nyūt*.

Почти все эти отличия объединяет одна особенность: как правило, они вызваны необходимостью предложить обоснованное решение для тех спорных вопросов, связанных с рефлексацией ПД местоимений в отдельных языках-потомках, на которые не в состоянии ответить традиционная реконструкция. При этом мы исходим из той предпосылки, что особую важность для такой реконструкции могут иметь явления *асимметричного* характера, документально зафиксированные в тех или иных языках, поскольку естественным для исторического развития представляется скорее именно движение от «асимметричной» системы к «симметричной», нежели наоборот. Так, несмотря на то, что лабиальность в местоимениях 2-го л. прослеживается лишь в небольшой горстке форм (тамилские косвенные основы *in-*, *it-*; конечный *-v* в телугу и колами; брауи *nit*), доказать или хоть сколь-нибудь убедительно аргументировать ее вторичность, на наш взгляд, не представляется возможным, в то время как гипотезе о развитии редкого сочетания **-yū-/*-yi- > *-ī-/*-i-* нельзя противопоставить каких бы то ни было противоречащих фактов.

Итоговая система, как нам представляется, удовлетворительно объясняет подавляющее большинство форм, засвидетельствованных в дравидийских языках и диалектах, включая как частотные, так и «аномальные» (с точки зрения традиционной реконструкции), при этом не выходя даже за пределы традиционно восстанавливаемого для ПД фонологического инвентаря. Основное исключение с точки зрения фонотактики представляет собой кластер **ny-*. Отметим, однако, что реконструкция противопоставлений типа **n-yān* (прямая основа) — **yep-* (косв. основа) позволяет предположить, что на ранне-ПД этапе элемент *n-* был морфологически отделяем от корня; не исключено, что он восходит к какой-то древней указательной / эмпатической частице, и именно фонетическое слияние этих двух морфем и обусловило появление здесь столь уникального сочетания.

(Ради интереса стоит заметить, что начальное сочетание **ny-* для ПД предполагал и Бх. Кришнамурти, с тем, однако, отличием, что он постулировал его лишь для ранне-ПД состояния и лишь в составе инклюзивного местоимения **n-yāt > *ñāt*, которое он выводил из еще более ранней формы **ni-yāt* "ты и мы" [Krishnamurti 1968: 88, 93]. Достаточно убедительное опровержение этой гипотезы см. у М. С. Андронova [Андронов 1994: 181-182]).

6.2. Внешние связи ПД личных местоимений.

Как уже говорилось выше, вопрос этимологии ПД личных местоимений в свете внешних данных уже давно является своеобразным «больным местом» ностратической теории в версии Иллич-Свитыча/Долгопольского. «Классическое» противопоставление $*m[i]$ (1sg) / $*\{i\}\sim*s[i]$ (2sg), четко прослеживаемое на материале индоевропейских, уральских, алтайских и картвельских языков [ОСНЯ: 6], на дравидийском материале практически не работает, и если считать изоглоссы в местоименных системах ключевым аргументом для макроклассификации (как это, в частности, принято в американской школе «mass comparison»), то дравидийские языки придется автоматически исключить из ностратической семьи, что и было в свое время предпринято Дж. Гринбергом при определении рамок т. н. «евразийской» макрофилы.

Мы, однако, не склонны придавать местоименному аргументу столь исключительный характер. Как данные лексикостатистики, так и многочисленные параллели в области морфологии и лексики достаточно убедительно свидетельствуют в пользу ностратического происхождения дравидийских языков; с точки зрения автора данной работы, родство дравидийских с прочими семьями ностратической макросемьи является доказанным. Такая позиция, однако, не только не снимает вопрос о происхождении ПД системы местоимений, но, напротив, ставит его максимально остро, поскольку в этом случае мы оказываемся вынужденными искать корни этой системы именно в ностратических языках, а не где-либо еще. (Справедливости ради отметим, впрочем, что «породнить» дравидийскую систему с системами других макросемей Старого Света — таких, как сино-кавказской или австрической — ничуть не проще, чем с ностратической).

Прежде чем заняться внешним сопоставлением, необходимо еще раз проанализировать систему, реконструированную нами *исключительно* на основании внутренних данных дравидийских языков, и попытаться инвентаризировать те значимые элементы, из которых она состоит.

Если отбросить анлаутный $*n$ - прямой основы, то исходное троичное противопоставление для местоимений 1-го л. будет иметь вид $*yVn$, $*yVm$, $*Vm$, где $*V$ — гласный типа $-a/-e-$ (количественная оппозиция между прямой и косвенной основами вряд ли может быть для нас релевантной). По-видимому, эти формы можно разложить на составные элементы $*y(V)$ - и $*Vm / *Vn$, причем элемент

*у(V)- в этом случае будет выражать идею «неинклюзивности», а вторые два — противопоставление по числу. Что касается местоимений 2-го л., то они будут сводиться к прототипам *уи-, *уи-т, *уи-Vr, где «чистой» основой 2-го л. является *уи-, а остальные две морфемы также являются показателями множественного числа.

С исторической точки зрения, однако, такая картина выглядит несколько странно. Наибольшие сомнения вызывает форма инклюзива; если начальный *и- в ней действительно вторичен, то оказывается, что она, по сути, предстает как выражение «чистой множественности» (вряд ли можно приписывать гласному *-а-/*-ā- какую-либо особую смысловую нагрузку, т. к. он присутствует во всех местоимениях 1-го л.). Если элемент *(V)t — действительно показатель множественного числа, то какой же сегмент данной лексемы выражает значение «1-е л. инклюзива»?

Здесь, по-видимому, уместно поставить вопрос о том, насколько этот элемент реально архаичен в значении числового показателя. Помимо уже обсуждавшихся форм, он надежно реконструируется для ПД лишь в возвратном местоимении *tām "они (сами)" (ед. ч. *tā-и). Кроме того, довольно часто эта морфема сопоставляется с элементом *-т- в глагольных формах повелительного наклонения таких языков, как кота (*tin-t* "ешьте!") и класс. каннада (*hēl-im* "скажите"; см. [Zvebil 1977: 17], [Андронов 1994: 281]. В последнем случае, однако, «множественность» соответствующей морфемы мнимая, так как достаточно часто она встречается и в составе императивных форм единственного числа; ср. там. *sep-t-ō* "иди!", тел. *serri-ti* "скажи", куи *ēnd-ati* "пляши", или такое показательное противопоставление, как гонди *hī-t* "дай" — *hī-t-ṭ* "дайте".

Наконец, крайне любопытной выглядит картина с глагольными показателями 2-го л. мн. ч. Несмотря на то, что в серии местоимений мы явно были вынуждены восстановить для ПД состояния два равноправных варианта (*нуйт, *нуй[v]ir), в подавляющем большинстве дравидийских языков и диалектов серия глагольных показателей обнаруживает параллели только для второго из них (восстанавливается обычно в усеченной форме *-ir). Глагольное окончание на -т представлено только в кота (-īt, хотя есть и -īr) и в одном диалекте тамильского. При всем желании ситуацию в кота невозможно считать архаичной, как это делает М. С. Андронов [Андронов 1994: 270]; ведь показатель на -r представлен даже в тех языках, где рефлексов местоимения *нуй[v]ir не обнаруживается вообще (например, север-

но-дравидийских: ср. кур., млт. *nīt* "вы", но кур. *-ar/-or*, млт. *-er* "глагольные показатели 2-го л. мн. ч."), так что говорить о морфеме **-ir* как инновации не представляется возможным.

Мы вынуждены, таким образом, ограничить сферу действия **(V)t* как показателя мн. ч. четырьмя местоименными основами, минимум одна из которых, помимо того, имеет альтернативный — и ничуть не менее архаичный — вариант (**nyū[v]ir* вместо **nyūt*). Более того, альтернативные варианты обнаруживаются и для возвратного местоимения **tām* — например, форма *tāru*, структурно аналогичная **nyū[v]ir* и представленная в телугу и куи.

Все это, равно как и полное отсутствие каких-либо внешних параллелей для **(V)t* как суффикса множественного числа, наводит на мысль о вторичности данного значения для этой морфемы. Первичным же ее значением, по-видимому, является как раз выражение идеи 1-го л. мн. ч., и в этом значении она и обнаруживается в чистом виде как ПД **am* и в сочетании с элементом **y(V)-* как ПД **(y)em-*. Уже на ранне-ПД уровне, однако, оппозиция **(y)en-/*(y)em-/*am-* была реинтерпретирована как **(y)e-n-*, **(y)e-m-*, **a-m-*, и элемент *-m-* стал восприниматься как показатель множественного числа для местоимений вообще, а не только для 1-го л.; отсюда и ПД формы **n-yū-m*, **tā-m*, возникшие по аналогии с **n-yā-m*, **n-ām*.

6.3. Обращаясь теперь к данным внешнего сравнения, заметим, что подобная гипотеза идеально соотносится с материалом других ностратических языков. В. М. Иллич-Свитыч восстанавливал в праностратическом оппозицию **mā* "1-е л. мн. ч. инклюзива" — **nā* "1-е л. мн. ч. эксклюзива", основываясь в первую очередь на согласованные показания картвельских и чадских языков [ОСНЯ I: 6-7; ОСНЯ II: 52-55]. Дравидийский материал, напротив, довольно плохо укладывался в эту систему; эксклюзивную форму **nā* Иллич-Свитычу приходилось сопоставлять с дравидийским инклюзивом **nām*, постулируя для ранне-ПД «сдвиг» значений, а инклюзивную **mā* — со смешанной инклюзивно-эксклюзивной косвенной основой **mā-*, представленной в телугу и в гондванских языках и на самом деле представляющей собой редуцированный вариант **(y)em-* (см. 2.2, 2.4).

Реинтерпретированная система показывает, что сопоставление ностр. **mā-* — драв. **mā-* по сути было верным, но представляло собой лишь частный случай. В качестве основного варианта соответствия нужно рассматривать ностр. **mā-* — ПД **n-ām*, т. е. дравидийский ин-

клюдив, в котором главным значимым элементом является не начальный **n-* (отсекаемый в косв. основе), а конечный **-m*. Та же морфема **-m*, но уже в сочетании с **yV-* (служащим как бы «нейтрализатором инклюзивности»), представлена и в ПД эксклюзиве, в том числе и в косвенных основах телугу и гондванских языков, имеющих вид *mā-*.

Таким образом, ностр. инклюзив **mā* > ранне-ПД **-[a]m*, впоследствии распространившись на всю местоименную парадигму как показатель мн. ч. Вокалические процессы, имевшие место при этом переходе, остаются не вполне ясными, но по аналогии можно предположить, что ностр. эксклюзив **nl* должен был бы развиваться в ранне-ПД **-[a]n* — не что иное, как второй составной элемент ПД местоимения 1-го л. ед. ч.! Получается, что «сдвиг» значений, предполагавшийся В. М. Иллич-Свитычем, действительно имел место, однако заключался он вовсе не в развитии «эксклюзив > инклюзив», а в развитии «мн. ч. (эксклюзив) > ед. ч.».

В подобного рода переходе нет ничего типологически невероятного (ср., например, др.-кит. **ŋhāj?*, первоначально употреблявшееся преимущественно для обозначения мн. ч., но впоследствии приобретшее функции единственного [Sagart 1999: 142-143]), однако в дравидийском ему к тому же могла способствовать реинтерпретация согласного **-n* в прямой основе как показателя ед. ч. местоимений и *nomina agentis* (ср. там. *ava-n* "тот (мужчина)"; *aṇṇaṇ* "брат" — *aṇṇār* "братья"). Таким образом, как ностр. **mā*, так и ностр. **nl*, хотя и оказались формально сохраненными в большинстве дравидийских языков, в силу ряда причин изменили свое значение с самостоятельно-местоименного на зависимо-грамматическое.

Что касается дравидийского эксклюзива (ранне-ПД **yVm*, ПД **nyām*), то он оказывается как бы «средним» вариантом между местоимением 1-го л. ед. ч. и старым инклюзивом, «заимствуя» элемент **yV-* у первого и элемент **-m* у второго. Можно поэтому предположить, что он был образован вторично, уже на чисто дравидийской основе (например, являясь стяжением из **nyām-m*), чтобы восстановить старую оппозицию по эксклюзивности/инклюзивности. В связи с этим любопытно вернуться к форме *naṇ* "мы", представленной в брауи, где эксклюзив и инклюзив не различаются; весьма вероятно, что именно эта ситуация является архаичной, а эксклюзив **nyām* < **nyām-m* был образован на позднейшей стадии развития ПД, уже после отпадения брауи.

Суммируем хронологические стадии от ностратического к поздне-ПД:

а) ностр.: *mā "1-е л. мн. ч. инклюзив", *nl "1-е л. мн. ч. эксклюзив", [*mi "1-е л. ед. ч."];

б) ранне-ПД-I: *mā > *Vm "1-е л. мн. ч. инклюзив", *nl > *Vn "1-е л. мн. ч. эксклюзив", [*mi > *Vm? не исключено простое сегментное совпадение старых форм *mi и *mā, что и привело к вышеописанному сдвигу];

в) ранне-ПД-II: образование «полных» основ с начальным *n*- и сонантом *-y*- (происхождение последнего остается неясным): *Vm > *n-ām, *Vn > *n-y-ān; развитие «1-е л. мн. ч. эксклюзив ==> 1-е л. ед. ч.» и исчезновение оппозиции «эксклюзивность/инклюзивность»;

г) ПД-I (до отпадения брауи): переосмысление конечного **-m* как показателя мн. ч.;

д) ПД-II (после отпадения брауи): возникновение «нового эксклюзива» *n-y-ām.

Рассмотрим теперь ситуацию с местоимениями 2-го л. Реально анализировать здесь придется только местоимение ед. ч., поскольку обе формы мн. ч. выводятся из него уже на прадравидийской основе (при этом более древней, на наш взгляд, следует считать **nyū-[v]-ir*, хотя форма *nyūt, судя по рефлексу *nit* в брауи, также должна была существовать уже на ПД-I уровне).

Выше мы остановились на реконструкции прямой основы *nyū как на варианте, наиболее удовлетворительным образом объясняющим все разнообразие рефлексов в современных дравидийских языках. Важно подчеркнуть, что отсутствие в ней конечного **-n* неслучайно и косвенным образом подтверждает нашу гипотезу, что *-n* в местоимении 1-го л. ед. ч. восходит не к продуктивному именному/ местоименному суффиксу, а к старой местоименной основе 1-го л. (В косвенной основе *yin- инлаутный сонант, тем не менее, наблюдается, однако он может восходить к старому показателю косвенной основы **-n*).

При отсечении анлаутного *n- (показателя прямой основы) мы получаем «чистый» вариант *yū-. Разумеется, сравнивать его с широко распространенными ностратическими основами 2-го л. **!i*~**s[i]* нет никакой возможности. Однако данными основами ностратический спектр не исчерпывается. Выше мы отождествили ПД местоимение 1-го л. ед. ч. *yVn с ностр. мн. ч. *nl, предположив сдвиг грамматического значения. Подобный сдвиг не может быть исключен

и для соответствующего местоимения 2-го л., тем более что случаи перехода "вы ==> ты" в позднейшее время отмечены и для живых языков (см. выше о таком переходе в гонди). Таким образом, ранне-ПД *уї может на самом деле восходить к ностратической основе местоимения 2-го л. мн. ч.

Такая основа В. М. Иллич-Свитычем реконструирована не была. Однако нельзя не отметить поразительное сходство ранне-ПД *уї с праиндоевропейской основой *уи-, служащей как раз для образования местоимений 2-го л. мн. ч. (др.-инд. *уивát* "вы (дв. ч.)", *уїуát* "вы (мн. ч.)", гот. *jūs*, лит. *jūs*); ср., возможно, также индоевр. основы *wes-, *wos-, особенно если последние действительно производны от *уw-es, *уw-os [WP I: 513-514]. (А. Б. Долгопольский сопоставляет индоевр. формы с картвельским глагольным показателем 2-го л. χ-, возводя их к общему варианту *Нї?и [ND 755a]; вне зависимости от того, насколько верна данная этимологизация, индоевропейско-дравидийская параллель остается вполне надежной.)

Если индоевр. формы *уи- и *we-/wo- действительно этимологически связаны, то налицо полный параллелизм между этой языковой семьей и дравидийскими языками: ностр. *нл "1-е л. мн. ч." > индоевр. *ne-/no- (косвенная основа 1-го л. мн. ч.), драв. *-Vn (1-е л. ед. ч.); ностр. *уwl- (*Нї?и-?) "2-е л. мн. ч." > индоевр. *we-/wo- (косвенная основа 2-го л. мн. ч.), драв. *уї (2-е л. ед. ч.).

6.4. Подводя итог, можно сказать, что главное изменение от ностратического к ПД, по-видимому, заключалось в элиминации старых местоименных основ ед. ч. и появлении на их месте старых местоименных основ мн. ч., к которым уже позже на собственно дравидийской основе достраивались новые формы мн. ч.

Факторы, обусловившие такое развитие, вряд ли могут быть установлены с достаточной степенью уверенности. Прежде всего не до конца остаются выясненными детали развития в аналутной позиции таких элементов, как *-у(V)- в 1-м лице и *н- во всех прямых основах (последний, возможно, восходит к ностр. дейктической основе *нА, см. [ОСНЯ II: 93]). Именно они, однако, должны были вызвать смещение старых корневых согласных *н- и *т- к концу словоформы, в силу чего те и стали восприниматься как показатели числа.

Нечто похожее, возможно, имело место и в индоевропейском, где к старой местоименной основе *т- в номинативе была присоединена основа *eǵ(h)0- неясного происхождения, после чего во многих языках

(ст.-слав. *azъ*, гр. *egō*) номинатив 1-го л. ед. ч. стал ассоциироваться прежде всего с первым слогом, что в конечном итоге привело к исчезновению **-m*. Напротив, в древнеиндийском конечный **-am* в форме **aha-m* был переосмыслен как формант личных местоимений вообще и по аналогии распространился и на такие формы, как *t(u)v-am* "ты", *vay-am* "мы" и т. п. — что крайне схоже с дравидийской реинтерпретацией конечного **-m* как специального показателя мн. ч. в личных и возвратном местоимениях. (Подробнее о системе индоевр. личных местоимений см. хотя бы [Семереньи 1980: 226-235] с библиографией).

Что касается старых ностратических основ ед. ч. (**m[i]*, **{[i]/*s[i]}*), то на настоящий момент остается не вполне ясным, исчезли ли они к началу ПД периода бесследно или оставили какие-то реликтовые следы в ряде диалектов. По крайней мере относительно второй из них можно предположить, что именно она и осталась представленной в реконструированном выше (см. 3.6) глагольном показателе инклюзива **-d*, сохранившемся в гондванских и северно-дравидийских языках и впоследствии распространившемся в гондванской подгруппе и на собственно местоименные основы; во всяком случае, другой ностратической этимологии для этой грамматической морфемы найти пока не удается.

Безусловно, предложенная здесь схема не является единственно возможной. В ностратических языках обнаруживаются и другие местоименные основы, вполне заслуживающие сопоставления с дравидийским материалом (напр., восстанавливаемая для праалтайского косв. основа местоимения 1-го л. **ηa* [EDAL: 1024]). Даже если оставаться в пределах материала, представленного в данной работе, вероятно, можно несколько модифицировать изложенные здесь механизмы развития. Главным выводом, однако, является то, что дравидийская система личных местоимений, хотя и не может служить убедительным аргументом в пользу ностратического происхождения этих языков, тем не менее может без особых натяжек быть возведена к общеностратической — при условии тщательного выполнения *внутри*дравидийской реконструкции и упора на наиболее архаичные, реликтовые формы, пережившие тотальную перестройку старой системы.

Сокращения названий языков

адил. — адилабадский диалект гонди
бет. — бетульский диалект гонди
бра. — брауи
брахм. — брахманский диалект тулу
гад. — гадаба
гот. — готский
гр. — греческий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-кит. — древнекитайский
еот. — еотмалский диалект гонди
индоевр. — индоевропейский
ир. — ирула
кам. тел. — камма телугу
кан. — каннада
кас. — касаба
класс. там. — классический тамильский
класс. кан. — классический каннада
класс. тел. — классический телугу
код. — кодагу
кол. — колами
кон. — конда
крб. — курумба
кур. — курух
лит. — литовский
лит. там. — литературный тамильский
мал. — малаялам
ман. — маңда
мар. — мария диалект гонди
нк. — найки
нкр. — найкри
ностр. — ностратический
олл. — оллари диалект гадаба
пар. — парджи
пен. — пенго
ПГ — прагондванский
ПД — прадравидийский
ПКГ — праколами-гадаба

ПСД — прасеверно-дравидийский
ПЮД — праюжно-дравидийский
сал. — салурский диалект гадаба
сео. — сеони диалект гонди
ст.-слав. — старославянский
чан. — чанда диалект гонди

Литература

- Андронов 1994   Андронов, М. С. *Сравнительная грамматика дравидийских языков. Издание второе, исправленное и дополненное*. М., изд. Института востоковедения РАН.
- ОСНЯ   Иллич-Свитыч, В. М. *Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)*. *Сравнительный словарь*. М., изд. «Наука». Т. 1, 1971; т. 2, 1976; т. 3, 1984.
- Семереньи 1980   Семереньи, О. *Введение в сравнительное языкознание*. М., изд. «Прогресс».
- Старостин 2000   Старостин, Г. С. *Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (рукопись)*. М., РГГУ.
- Andronov 1993   Andronov, M. S. Pronouns of the 1st person in Brahui. // *Indian Journal of Linguistics*, vol. 18. Calcutta, pp. 9-19.
- Bloch 1954   Bloch, J. *The Grammatical Structure of the Dravidian Languages*. Poona: Deccan College Postgraduate and Research Institute.
- Burrow 1946   Burrow, T. Dravidian Studies V (Initial *y* and *ñ* in Dravidian). // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 11, pp. 595-616.
- DEDR   Burrow, T., Emeneau, M. B. *A Dravidian Etymological Dictionary. Second Edition*. Oxford, Clarendon Press.
- EDAL   Starostin, S. A., Dybo, A. V., Mudrak, O. A. *Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Brill, 2003.

- Krishnamurti 1961   Krishnamurti, Bh. *Telugu Verbal Bases: A Comparative and Descriptive Study*. UCPL, 24.
- Krishnamurti 1968   Krishnamurti, Bh. Dravidian personal pronouns. // *Studies in Indian Linguistics: Professor M. B. Emeneau Śaṣṭipūrṭi Volume*. Poona and Annamalaiagar. Reprinted in: Bh. Krishnamurti. *Comparative Dravidian Linguistics*. Oxford University Press, 2001, pp. 76-98.
- ND   Dolgopolsky, A. *Nostratic Dictionary* (forth.).
- Sagart 1999   Sagart, L. *The Roots of Old Chinese*. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia.
- Starostin 2000   Starostin, G. S. Dravidian roots with initial *j- and possible Indo-European cognates. // *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции*. М., изд. РГГУ.
- S. Starostin 2003   Starostin, S. A. Statistical evaluation of the lexical proximity between the main linguistic families of the Old World. // *Orientalia et Classica III: Studia Semitica*. М., изд. РГГУ.
- WP   Walde, A. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny*, 1-3. Berlin-Leipzig, 1927-1932.
- Zvelebil 1977   Zvelebil, K. *A Sketch of Comparative Dravidian Morphology* (part 1). Mouton: The Hague.